

A detailed illustration of a young man with dark, messy hair and intense blue eyes. He has several cuts and bruises on his face and arms, suggesting a recent battle. He is wearing a dark green sleeveless tunic with a small cross emblem on the chest, brown leather arm guards, and a wide brown leather belt. He is holding a long, straight sword with both hands, angled towards the upper left. The background is a misty, sun-dappled forest with tall trees and green foliage.

ДМИТРИЙ СЕРЕБРЯКОВ
ЦИКЛ “ШАМБХАЛА”

ПУТЬ ПОЗНАНИЯ

книга 2

Дмитрий Серебряков

Шамбхала книга

2: Путь познания

<https://litres.ru/74466633>

SelfPub; 2026

Аннотация

Выжить в Гадаре — это не победа. Это лишь право увидеть то, что скрывает туман за стенами великого города.

Акиро больше не просто воришка из внешнего кольца. Теперь он — один из шестнадцати претендентов на роль ученика великого Эдвина Линберга. Но вместо уютных тренировочных залов его ждет реальность: деревни-инкубаторы, обезумевшие джинны и разумные одержимые, для которых человеческие страдания — лишь выдержанное вино.

Здесь гордость аристократов превращается в пепел, а вера церковников захлебнулась в крови. Пока наследники великих родов седеют от ужаса, Акиро вынужден заключить сделку с тем, кто живет внутри него. Его Дух — циничный мастер меча, не знающий жалости, — готов взять управление на себя. Но цена «аренды» тела растет с каждым днем: золото, выпивка и часы полной потери контроля, а может и не только часы....

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	46
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Дмитрий Серебряков

Шамбхала книга

2: Путь познания

Глава 1

Лес, птички, костер, еда и свежий воздух. М-да. Последнее, чего я хотел, это опять оказаться за чертой города. Еще слишком свежи в памяти мои "приключения" в прошлом. И если когда-то давно я наивно предполагал, что лес — это просто лес, а нечисть — лишь картинки в книгах, то теперь мое мнение изменилось. И тот факт, что нас сопровождали три инквизитора, один из которых аж цельный лейтенант, меня не особо успокаивал.

Да. София Линберг явно сильная. Вот только помогать она нам будет только в самом крайнем случае. Ну или как сказал сам уважаемый Эдвин Линберг — "Если нечисть разберет вас на части, то ребята и дочка соберут." Угу. Соберут и исключат. Ибо тот, кто будет сильно ранен или пострадает так, что не сможет дальше выполнять задание, автоматически исключался из списка предполагаемых учеников.

Другими словами, только те, кто выживут и выполнят задачу по зачистке трех деревень от нечисти, те и пройдут

дальше. И да. Это лишь начало испытания. Вторая часть — после зачистки найти место, откуда эта самая нечисть появилась. То есть портал из другого мира. Если портал еще стоял, то его уничтожит лейтенант. Правда, сама София считала, что портал уже давно закрыт, но парочка настоящих демонов, а не мелкой нечисти, там скорее всего остались.

Каким таким образом мы, шестнадцать подростков, должны умудриться не только уничтожить всю нечисть, но и справиться с двумя демонами, не уточнялось. Как сказал наставник: "Если вы не в состоянии справиться с низшими демонами, то и в учениках вам делать нечего". Вот такой вот поворот.

Если бы у меня была связь с духом, то думаю, тот бы в моем теле справился. Вот только чего нет, того нет. А значит, либо самому придется как-то выжить, либо надеяться, что мой дух проснется раньше того момента, как меня превратят в мясной фарш.

Я покосился на Ингрид. Она сидела чуть в стороне, уставившись в пламя костра таким взглядом, будто собиралась его погасить силой мысли. После того памятного знакомства с Линбергом, когда её «закоротило» в невидимом барьере, она стала еще более странной. Молчит, зыркает по сторонам, а иногда — клянусь своей дырявой памятью! — шепчет что-то в пустоте.

— Эй, Ингрид, — негромко позвал я, подсаживаясь ближе и стараясь не делать резких движений. — Ты как? Готова

к «сельскому туризму»?

Она медленно повернула голову. Глаза её на мгновение блеснули тем самым изумрудным светом, но тут же стали обычными.

— Зачистка — это не прогулка по рынку, Акиро, — сухо ответила она. — Здесь не выйдет отделаться легким испугом. Ты вообще понимаешь, что нас ждет в первой же деревне? Скрал — это не просто пара домов. Это бывшая перевалочная база. Если там окопались оборотни, нам придется туго.

— Оборотни, бесы, черти... — я загибал пальцы, вспоминая «лекции» дядьки Тихона. — Слышал я этот набор. Главное — не давать им подойти вплотную. Хотя с моим везением я опять окажусь под какой-нибудь телегой в роли главного блюда.

— Не окажешься, — Ингрид вдруг подалась вперед, и в её голосе прорезались те самые властные нотки, которые обычно звучали у её деда Аскольда. — В этот раз мы работаем в паре. Наставник ясно дал понять: командная работа — залог того, что нас не придется собирать по частям. Если ты будешь тупить, я тебя сама пришибу, понял?

Я невольно потер челюсть. Уж что-что, а бить Ингрид умела. Даже без всякой духовной силы.

— Понял-понял. Не кипятись. Я просто думаю... Зачем Линбергу это испытание? Зачистка деревень — это работа рядовых рыцарей, а не кандидатов в элиту. Тут явно какой-то подвох.

Параллельно я размышлял о словах Софии. Психологическая готовность. Ага. Значит, нас не просто проверят на умение махать железками, но и посмотрят, как мы будем реагировать, когда увидим последствия «пиршества» нечисти. Я вспомнил ту пентаграмму и рыцарей, прибитых кольями к земле... Желудок предательски сжался.

Рядом послышались тяжелые шаги. Один из инквизиторов, рослый парень с каменным лицом, подошел к нашему костру.

— Пять минут до выхода, — бросил он, даже не глядя на нас. — Собирайте барахло. Первая цель — Скрал. Если кто-то решит сбежать в лес — искать не будем.

Я проводил его взглядом. Инквизиторы... Они смотрели на нас как на расходный материал. Даже София, сидевшая на складном стуле поодаль, казалась абсолютно отстраненной. Она лениво крутила в пальцах амулет, и я готов был поспорить на свой последний ботинок, что она уже знала, кто из нас не вернется к ужину.

— Ну что, напарница, — я поднялся, отряхивая штаны. — Пошли искать приключения на свою пятую точку. Главное, прикрывать друг другу спину и помнить уроки твоего деда. Ну а я... Я постараюсь вспомнить что-нибудь из тех техник, которыми мой «древний мечник» раскидывал нечисть в прошлый раз. Если, конечно, получится.

Ингрид хмыкнула, но в её взгляде я впервые не увидел привычного раздражения. Скорее, это было некое подобие

сочувствия. И это пугало меня куда больше, чем перспектива встречи с низшим демоном. У нее явно что-то недоброе на уме.

До Скрала мы не дошли полкилометра. Лес изменился: высокие, некогда величественные деревья стояли с облезлой корой, а ветки переплелись так плотно, что солнечный свет едва пробивался к земле. Тишина давила на уши. Я почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Моя интуиция, отточенная годами выживания в тущобах, буквально вопила: «Беги!».

Тварь выскочила из-под поваленного ствола справа. Скричер. Мелкая, размером с плешивую собаку, но с неестественно длинными лапами и челюстью, раскрывающейся на сто восемьдесят градусов. Она издала ультразвуковой свист, от которого в голове будто лопнула струна.

Из кустов и прямо с деревьев посыпались десятки серых тел.

— В круг! — выкрикнула Ингрид, вскидывая меч. — Нечисть рядом, держите строй!

Но её голос утонул в презрительном фыркanye.

— Командуй своими слугами в поместье, Ингрид, — огрызнулся рослый парень с графским гербом западной ветви на куртке. — Или думаешь, что если твой папочка капитан, то сразу стала главной?! Кто из западной ветви, ко мне!

- Нам и графы не указ, – насмешливо хмыкнул другой парень с гербом дома Бестужевых. – Восточники, ко мне!

А создание еще одной команды церковников окончательно раздробили нашу группу. Аристократы и церковники, увидевшие в Ингрид лишь «папину дочку», которой всё достается по благу, инстинктивно сбились в свои маленькие кланы. Четыре группы, четыре самозванных лидера. Ингрид осталась стоять на месте, побледнев от ярости. Её проигнорировали так технично, будто она пустое место.

— Идиоты... — прошипела она. — Акиро, за мной! Если эти выскочки хотят сдохнуть — мешать не будем!

Первая волна скричеров накрыла нас, прежде чем лидеры успели распределить позиции. Я выхватил меч. Тяжесть металла в руке отозвалась странным холодом. В голове всплыла схема — четкая, сухая, как страница из учебника по фехтованию: *«Скричер прыгает прямо, атакуй в противоход, не давай зайти за спину»*. Я не знал, откуда это в моей голове, но тело двигалось само.

Шаг в сторону, короткий взмах — и первая тварь, обдав меня вонью тухлятины, развалилась на две части. Ингрид работала рядом. Её движения были резкими, злыми. За её спиной на мгновение сгустился воздух, и я готов был поклясться, что увидел очертания ее духа, но через секунду видение пропало, сменившись изумрудным блеском в глазах напарницы.

До сих пор не понимал, почему она скрывала свою явно необычную связь с духом? За прошедшие десять дней с того памятного момента проверки Линберга, я уже не раз заме-

чал странности в ее тренировках. Особенно когда у меня с ней были спарринги под руководством ее деда. Я же не слепой. Да и ее дед Аскольд Ярославович явно близорукостью не страдал. Но она упорно продолжала молчать и делала вид, что ничего странного не происходит. Глупо, но я со своим мнением к ней не лез. Зачем? Если захочет, сама расскажет.

Тем временем у «аристо» начались проблемы. Рассредоточившись, они открыли фланги.

— Бесы! — крикнули слева, где группа из пяти человек пыталась отбиться от наседающих скричеров.

Из чащи вышли бесы — жилистые, цвета запекшейся крови. А следом за ними — пятерка чертей, массивных и рогатых. И как вишенка на этом паршивом торте — пара оборотней. Огромные черные горы мышц и шерсти.

— Акиро, к дереву! — скомандовала Ингрид. — Спина к спине!

Один из оборотней, оценив ситуацию, выбрал нас. Видимо, мы показались ему самой легкой добычей — два «изгоя» отдельно от основной группы. Он припал на лапы, его когти скрежетнули по камню.

— Ингрид, если ты сейчас не пробудишь своего духа, нас пустят на гуляш, — выдохнул я, чувствуя, как вспотели ладони.

— Заткнись и смотри под ноги! — отрезала она.

Оборотень бросился вперед. Это была не животная атака, а выверенный тактический бросок. Ингрид встретила его

щитом из чистой воли и стали. Удар был такой силы, что её отбросило назад, прямо на меня. Мы едва не повалились. В этот момент время для меня снова замедлилось.

Я видел каждое движение зверя. Видел, как он раскрылся для второго удара, подставив незащищенную паховую область и шею под челюстью. И опять я как будто уловил внутренний посыл: *«Бей снизу, лезвие под углом сорок пять»*.

Я нырнул под занесенную лапу. Оборотень даже не обратил внимания на «человеческого щенка», сосредоточив всё внимание на Ингрид, которая уже готовила контрудар. Сталь моего меча вошла в мягкую плоть под челюстью с противным чавкающим звуком. Зверь захлебнулся собственным рыком, обдав меня фонтаном горячей липкой крови.

— На! Получи, тварь! — я выдернул клинок и отскочил.

Ингрид тут же добавила рубящим по горлу. Оборотень завалился на бок, судорожно скребя когтями по земле, пока не затих.

Я тяжело дышал, оглядывая поляну. Остальным пришлось несладко. Группу аристократов разметало. Один парень лежал в кустах, зажимая разорванное плечо, остальные сбились в кучу, отчаянно отбиваясь от чертей. Гордости прибавилось, но даже сейчас они не спешили просить помощи у «дочки капитана». К тому же, четверка парней церковников явно отбилась даже лучше, чем мы. Я даже порванной одежды на них не заметил.

Инквизиторы всё это время стояли в стороне. Лейтенант

София Линберг лениво прислонилась к стволу дерева, наблюдая за бойней с таким выражением лица, будто смотрела скучную пьесу в театре. Один из рядовых инквизиторов что-то помечал в блокноте. Когда последний бес скрылся в чаще, а черти были повержены общими усилиями, он равнодушно произнес:

— Группа три — два ранения средней тяжести. Группа два — потеря темпа. Группа один, более-менее, но долго. — При этом он смерил всех своим холодным взглядом и только нас с Ингрид полностью проигнорировал. - Продолжаем движение.

— И это всё? — вытер окровавленный лоб один из парней, чей дорогой камзол превратился в лохмотья. — Мы чуть не сдохли!

Инквизитор даже не удостоил его взглядом.

— Если вы не можете справиться с мелочью без истерик, в Скрале вам делать нечего. Пять минут на перевязку. Кто не успеет — остается кормить падальщиков.

Я посмотрел на Ингрид. Она вытирала меч пучком травы. Одинокая, злая, отвергнутая всеми этими «благородными». Но в её взгляде, когда она посмотрела на меня, я увидел нечто новое.

— Неплохо сработал, Акиро, — тихо сказала она.

— Случайность, — соврал я, чувствуя, как внутри ворочалось «нечто», у чего всё ещё нет имени и желания со мной общаться. — Просто не хотел, чтобы ты меня потом пришиб-

ла за «тупость». Да и уроки твоего деда не прошли даром.

Она хмыкнула, но сочувствие в её глазах никуда не делось. Она понимала: мы оба здесь — чужие. Она — из-за влияния отца, я — из-за своего происхождения. И это делало нас показательными отщепенцами в этом лесу.

Впереди, за полосой тумана, проступили серые очертания крыш Скрала. Деревня молчала. И эта тишина была куда страшнее визга скричеров.

— Ну что, «избранная». Простолюдин к бою готов! — я постарался улыбнуться, хотя губы дрожали. — Пошли спасать мир. Или хотя бы свои шкуры.

Мы остановились у указателя с выцветшей надписью «Скрал». Деревня, если её еще можно было так называть, лежала перед нами как на ладони, зажата между лесом и рекой. Ни лая собак, ни дыма из печных труб — только серый туман, лениво стелющийся между домами.

София Линберг вышла вперед. Её плащ инквизитора даже не запылится, а на лице блуждала та самая легкая, почти издевательская, полуулыбка. Она обернулась, обведя взглядом наше помятое воинство.

— Ну что, герои, разминка окончена, — её голос прозвучал неестественно громко в этой мертвой тишине. — Задача проста: полная зачистка. В деревне четыре основные улицы, сходящиеся к площади.

Она изящным жестом указала на перекресток впереди.

— Разделяемся. Группа Бестужева — западная улица.

Церковники во главе с Эвклипом — восточная, там как раз храм неподалеку, вам будет привычнее. Группа графа Норского берет северную. А вы, — её взгляд на мгновение задержался на мне и Ингрид, и в нем промелькнуло нечто среднее между любопытством и приговором, — вы пойдете по южной. Она самая узкая и... запущенная.

— Лейтенант, — подал голос один из «западников», — разве не разумнее держаться вместе? Мы не знаем численность противника.

София даже не повернула головы в его сторону.

— Если вам страшно, можете сдать и остаться здесь. Ребята как раз ищут добровольцев для чистки выючных лошадей. Остальные, выполняйте приказ. Встретимся на площади. Или не встретимся.

Я почувствовал, как Ингрид рядом со мной напряглась всем телом. Её пальцы до белизны сжали рукоять меча.

— Она нас разделяет, чтобы мы не могли помочь друг другу, — едва слышно прошептала она. — Южная улица ведет к старым складам. Там явно самое гнилое место.

— Идеально для «простолюдина» и «избранной», — хмыкнул я, пытаясь унять дрожь в коленях. — София знает, что делает. Она бросает всех в самую гущу, чтобы посмотреть, кто из нас первым сломается.

Группы начали расходиться. Я видел, как Бестужев, поправив герб, уверенно зашагал по своей улице, ведя за собой четверку парней. Они шли так, будто отправлялись на парад,

а не на бойню. Церковники двигались молча, слаженно, как единый механизм.

— Ну что, напарница, — я посмотрел на Ингрид. — Нам в самую темень. Приготовь всю свою выдержку, чует мое сердце, одними уроками твоего деда мы там не отделаемся.

Мы свернули на южную улицу. Как только последний аристократ скрылся за поворотом, туман за нашими спинами словно сомкнулся, отрезая путь назад. Тишина Скрала принялась нас переваривать.

Сергей Бестужев всегда считал себя выше низменных чувств. Он думал, что эмоции обычных людей для него неприемлемы — он был выше этого, как и подобает наследнику дома, чьи предки веками держали рубежи Восточного сектора. Но когда их отряд встретился с первыми двумя одержимыми, он осознал, насколько сильно ошибался.

Скрал встретил их удушающим запахом жженой шерсти и прокисшего молока. Улица, на которую свернула пятерка под предводительством Сергея, казалась вымершей, пока из-за покосившегося забора не вывалилось *оно*.

Это был старик. Когда-то, возможно, он был местным старостой или уважаемым пахарем, но сейчас от человека осталась лишь оболочка. Его живот был вскрыт широким неровным разрезом, и при каждом шаге наружу вываливались се-

рые петли кишок, волочась по пыльной дороге. Но старик, казалось, не замечал этого. Его глаза, залитые абсолютной непроглядной чернотой, были устремлены на подростков. Издав утробный булькающий звук, он оскалил гнилые зубы и бросился вперед с быстротой, невозможной для смертного с такой раной.

— К бою! — выкрикнул Сергей, чувствуя, как к горлу подкатила желчь.

Его клинок, выкованный лучшими мастерами Гадара, снес голову старику одним выверенным ударом. Но тело не упало. Безголовый труп, продолжая размахивать костлявыми руками, вцепился в плечо соратника Бестужева, пытаясь достать до горла окровавленной рукой. Только когда второй парень из отряда перерубил мертвецу позвоночник, тварь наконец затихла.

— Это не люди... — прошептал Егор Умеров за спиной Сергея. — В них призраки. Они просто куклы!

Но осознание не принесло облегчения. С крыши ближайшего сарая со скоростью испуганной рыси на них рухнула старуха. Она была почти полностью обнажена, костлявое тело обтянуто пергаментной кожей, а из-под сломанных ногтей сочилась черная жижа. Она не кричала — она шипела, выгибая позвоночник под неестественным углом. Одним прыжком она сбила с ног самого крепкого парня в группе, Данилу Сурдина, и прежде чем Сергей успел среагировать, её зубы сомкнулись на кожаном доспехе юноши. Старуха рвала кожу

доспеха с таким неистовством, будто не ела вечность.

— Убейте её! Живо! — сорвался на крик Бестужев.

Сталь вонзилась в спину одержимой, но та лишь повернула голову ровно назад и, глядя на Сергея своим мертвым взглядом, продолжала жевать, пока её не превратили в кровавое месиво. Лицо же Сурдина было белее мела. Кажется, молодой аристократ впервые в жизни настолько близко был к смерти. Своей смерти.

Чем дальше они продвигались вглубь улицы, тем страшнее становилась картина. Скрал превратился в инкубатор для темных призраков, которые не щадили ни старых, ни малых. Воздух наполнился звоном стали и чавкающими звуками ударов по плоти, которая не хотела умирать.

Самый страшный удар ждал Сергея у колодца. Из тени дома вышел мальчик. Ему было не больше пяти лет. В руках он сжимал обломок косы, а его щеки были испачканы чем-то красным и густым. Он смотрел на аристократа снизу вверх, и на мгновение Сергею показалось, что в глубине черных глаз мелькнула искра человеческого сознания, мольба о помощи.

— Помоги... — прохрипел ребенок, но тут же его лицо исказила звериная гримаса.

Мальчик бросился вперед, целясь косой в незащищенное колено Бестужева. Сергей замер. Вся его гордость, все уроки фехтования и рассказы о славе рода рассыпались в прах перед этим пятилетним существом, которое жаждало только одного — отужинать его телом.

— Сергей, бей! — крикнул Умеров, толкнув Сергея.

Меч опустился, словно сам по себе. Маленькое тело отлетело к стене дома, а Сергей остался стоять, глядя на лежащую на земле маленькую голову. На его дорогом камзоле, украшенном гербом дома Бестужевых, расплывалось пятно детской крови. Но этого Бестужев даже не заметил.

В этот момент «Долг рода» показался ему неподъемной плитой, которая тащила его прямиком в ад. Группа продолжала идти вперед, но это уже были не гордые кандидаты в инквизиторы. Это были напуганные дети, которые внезапно поняли: в этой войне победа пахнет не славой, а дерьмом, разлагающейся плотью и несправедливой смертью тех, кто не успел вырасти.

А из окон соседних домов на них уже смотрели десятки пар черных, голодных глаз. Скрал еще не закончил свой обед.

Пока группа Бестужева захлебывалась в собственной тошноте и чужой крови на западной улице, восточный сектор Скрала оглашался мерными звуками молитв. Четверка церковников во главе с Эвклипом двигалась так, будто они были не подростками на испытании, а карающим мечом самого Неба.

Их слаженность поражала. Марк, широкоплечий юноша

с волевым подбородком, коротким возгласом активировал «Саван Очищения», его клинок окутало ровное белое пламя, сжигающее одержимых еще до того, как сталь касалась плоти. Идущий следом Юлий покрыл свои доспехи голубой дымкой защиты. Любая нечисть, рискнувшая вцепиться в его плечо, мгновенно начинала дымить и обугливаться, отлетая с диким визгом.

Они шли уверенно, как отлаженный механизм, пока не достигли площади перед храмом. Но стоило им распахнуть тяжелые дубовые двери, как холодная уверенность сменилась яростью, граничащей с безумием.

Храм был осквернен. Иконы содраны, алтарь залит нечистотами, а в центре, прямо над святой иконой, к стене был прибит старый монах. Он был еще жив. А его ноги и торс буквально по живому объедали трое мелких бесов, чавкая и похрустывая костями. Рядом, опершись на колонну, стоял огромный оборотень. Тварь не нападала, она скалилась, наслаждаясь зрелищем, как вера этих мальчиков разбивалась об ужас реальности.

Бой был коротким и яростным. Ослепленные гневом церковники буквально стерли бесов в порошок, а Эвклип, чьи глаза светились фанатичным огнем, лично загнал клинок в глазницу наглому оборотню.

Когда тишина вернулась в храм, прерываемая лишь хрипами умирающего на стене, Эвклип подошел ближе. Гнев в нем сменился тяжелой взрослой решимостью. Не глядя на

своих товарищей, он жестом приказал снять монаха со стены.

— Он осквернен, — прошептал Юлий, пятясь. — Его нужно предать огню.

— Он — слугитель Слова, — отрезал Эвклип, опускаясь на колени рядом с изуродованным телом. — Я упокою его душу молитвой искупления.

Сын епископа положил руку на окровавленный лоб старика и закрыл глаза. Его губы зашептали древние слова, от которых в храме стало теплее. Отряд, понутив головы, замер в скорбном карауле. На мгновение показалось, что свет действительно побеждает...

В этот миг монах резко распахнул глаза. В них не было боли — только бездонная, липкая тьма. Его тело дернулось в неестественном ломаном изгибе. Прежде чем кто-то успел вскрикнуть, «святой отец» впился Эвклипу в горло. Раздался жуткий хруст, и монах, издав торжествующий клекот, вырвал из шеи парня огромный брызжащий кровью шмат мяса.

Эвклип повалился навзничь, зажимая руками дыру, из которой толчками уходила жизнь. Парни застыли в полном шоке. Их мир рухнул. Тот, кого они спасали, убил их лидера. Юлий выронил меч, Марк закрыл лицо руками. Они не могли пошевелиться, заморожено глядя, как Эвклип булькал кровью в предсмертных судорогах.

— Так и запишем. Минус первый.

Равнодушный будничныи голос заставил их вздрогнуть.

Словно из воздуха рядом с умирающим возник инквизитор. В одной руке он держал неизменный блокнот, в другой — короткий кинжал. Одним точным ударом в затылок он окончательно упокоил одержимого монаха, даже не взглянув на него.

Достав из поясной сумки флакон с переливающимся золотым зельем, инквизитор грубо разжал челюсти Эвклипа и влил жидкость внутрь.

На глазах у недоуменных парней произошло чудо, больше похожее на кошмар: разорванные артерии сплелись в узлы, мышцы выросли за секунды, и кожа на горле сына епископа стала гладкой, как у младенца. Эвклип судорожно вдохнул и завалился на бок, отхаркивая кровь.

Инквизитор спокойно подождал, пока из парня выйдет все лишнее, а после рывком поднял его и как мешок с картошкой закинул себе на плечо. Повернувшись к застывшим церковникам, он холодно смерил их взглядом:

— А вы чего встали? Особое приглашение нужно? — он качнул головой в сторону выхода. — Если сдаетесь и хотите к лошадям — идите за мной. Если готовы продолжать — вперед. В деревне еще полно нечисти.

Он развернулся и зашагал к выходу, даже не оглядываясь, оставив парней в руинах их собственной веры.

Северная улица Скрала напоминала лабиринт из облезших фасадов и брошенных телег. Анри дэ Норский, привыкший к выверенным маневрам на полигонах, с трудом сдерживал раздражение. Двое его людей были ранены еще в лесу; слабые зелья исцеления притупили боль, но рваные края ран под повязками все еще пульсировали багровым, мешая двигаться быстро.

Когда на них из тумана выкатился вал из десятка одержимых, подкрепленных парой визжащих бесов, аристократы приняли бой. Это была грязная тяжелая рубка. Бесы прыгали по крышам, закидывая их обломками черепицы, пока одержимые крестьяне пытались массой задавить строй. Анри и его товарищи победили, но цена была высока. Теперь раненых было четверо. Жак Шортир едва волочил ногу, а Эдмунд Лафаэр прижимал ладонь к распоротому предплечью.

— Нам нужен привал, — Анри вытер со лба пот, смешанный с сажей. — Лейтенант не устанавливала временных рамок. Спешка в таком состоянии — это самоубийство.

Убежище они нашли случайно. Массивная дубовая дверь в земле, окованная железом, вела в муниципальный подвал — место, где мирные жители должны были переждать беду.

— Эдмунд, спустись, проверь периметр, — приказал Анри. — Ты ранен легче всех. Я останусь здесь, прикрою вход. Если там кто-нибудь есть — дай сигнал.

Сын маркиза Лафаэра, бледный, но старающийся сохранить лицо, кивнул и исчез в темноте проема. Прошла мину-

та. Две. Анри уже взялся за эфес, когда из подвала донесся странный звук — не крик, а натужный сухой хрип.

Эдмунд вывалился наружу, цепляясь пальцами за камни порога. Его лицо было не просто белым — оно стало цвета старого пергамента. Не успев сделать и шага, он рухнул на колени, и его с дикой силой вывернуло наизнанку. Парня рвало так, будто он пытался исторгнуть из себя саму душу.

— Что там?! Скрытые враги? Бесы? — Анри встряхнул его за плечи, но Эдмунд лишь мычал, заливаясь слезами и желчью.

— Граф Монтелье, теперь вы! — рывкнул Анри на следующего.

Монтелье вернулся через минуту в таком же состоянии. Он просто сел на землю, глядя в одну точку, и из его рта потекла тонкая струйка слюны. Третьим пошел сын герцога, Филипп. Он пробыл внизу дольше всех. Когда он выбрался, его трясло так, что зубы выбивали дробь.

— Т-т-там... т-там не... не... — Филипп не смог закончить фразу. Он зажал рот ладонью и отвернулся, содрагаясь всем телом.

Анри дэ Норский, сжав челюсти, выхватил меч и пошел вниз сам. Магические светильники в подвале тускло мерцали, окутанные дымкой испарений. Пройдя по длинному коридору, он достиг входа в зал. В центре помещения, в огромной медленно подсыхающей луже крови, сидел ребенок. Годовалый малыш в разорванной распашонке.

В его крошечной ручке была зажата человеческая голова. Ребенок с вожделением, причмокивая, присосался к глазнице, высасывая содержимое с мерзким хлюпающим звуком. Но самым ужасным был его живот. Огромный, раздутый до метра в диаметре, он напоминал опухоль, натянутую настолько, что сквозь синюшную кожу были видны вены толщиной с палец. Вокруг ребенка горами лежали обглоданные кости и части тел — всё, что осталось от жителей Скрала, искавших здесь спасения.

Это было слишком. Рассудок Анри пошатнулся. На чистом инстинкте, на той самой грани, где аристократическая гордость встречается с первобытным ужасом, он почувствовал, как в его жилах вскипела чужая ледяная мощь. Дух пробудился рывком, отозвавшись болью во всем теле.

Одним ударом, в который Анри вложил всю свою ненависть и отвращение, он буквально расплющил одержимое существо по каменной стене.

И это стало его последней ошибкой. От удара перерастянутый живот лопнул. С оглушительным хлопком из него выплеснулись недопереваренные останки — фрагменты рук, лиц и внутренностей тех, кого это чудовище успело поглотить. Зловоние ударило в нос, как физический удар.

Анри вылетел наружу, сбив плечом косяк. Он жадно глотал воздух, чувствуя, как мир кружился перед глазами. Его рвало долго и мучительно, пока в желудке не осталось ничего, кроме горечи.

Когда спустя полчаса пятерка «золотой молодежи» наконец смогла хотя бы стоять на ногах, Филипп, сын герцога, хмуро посмотрел на своего лидера. Он хотел что-то сказать о тактике или долге, но слова застряли в горле.

— Анри... — Филипп указал дрожащим пальцем на голову графа. — Ты... ты теперь седой. Полностью.

Шестнадцатилетний граф Норский коснулся своих волос. Белоснежные пряди рассыпались по плечам. В этот день в подвале Скрала он не просто пробудил духа — он оставил там свою юность.

А из тумана южной улицы всё так же доносилась та самая зловещая мертвая тишина.

Глава 2

Южная улица Скрала встретила нас тишиной, которая была намного страшнее криков, доносившихся из центра деревни. Здесь не было развороченных тел или следов яростной рубки. Вместо этого мертвая стерильная неподвижность. В тумане серыми призраками стояли люди. Они не нападали. Старуха на крыльце застыла с пустой миской в руках, её взгляд был направлен сквозь нас. Старик у забора замер, приложив палец к губам, будто призывал нас не шуметь.

— Они не одержимы... — прошептала Ингрид, покрепче перехватывая меч. — Они словно пустые.

— Нет, они одержимы, — отозвался я, чувствуя, как холодный пот стекал по спине. — Просто их «хозяину» сейчас не до нас. Они — марионетки, Ингрид. Они смотрят не на нас, они смотрят *через* нас.

В этот момент я отчетливо понял: всё, что происходило с нами до этого, было лишь представлением. Я четко понял, что кто-то смаковал не только наш ужас, как дорогое вино, но и ощущения аристо и церковников, попавших в эту проклятую деревню. И этот «кто-то» ждал нас впереди, у старых складов.

Он стоял в конце улицы, прислонившись к облезлому дверному косяку склада. На первый взгляд обычный муж-

чина в поношенном кожаном колете, какие носят сельские старосты или зажиточные торговцы. Но вокруг него воздух дрожал, словно от жара, а от пальцев к окнам соседних домов тянулись едва заметные переливающиеся серым дымом нити.

Он не был монстром в привычном понимании. В его глазах светился острый, хищный и абсолютно человеческий разум. Предатель. Тот, кто продал свою душу и всю деревню за крохи демонической силы.

— Ну же, — он улыбнулся, и эта улыбка была вежливой и ледяной. — Я ждал вас дольше всех. Простолюдин и, главное блюдо - дочка самого капитана инквизиции. Какой изысканный десерт после пресных аристократов.

Ингрид не стала ждать. С коротким рыком, в котором явно слышались нотки ее духа, она рванулась вперед. Её меч прочертил в воздухе светящуюся дугу. Я бросился следом, заходя с фланга, готовый нанести удар в ту самую точку под челюстью, которую мне нашептывала интуиция.

Сталь должна была разрубить его пополам. Но в долю секунды, когда лезвие уже почти коснулось его одежды, мужчина просто... растаял.

Он исчез, оставив после себя легкий запах озона и издевательский смехок.

— Слишком медленно, — раздался голос за нашими спинами.

Мы обернулись. Он стоял в двадцати шагах позади, прямо

посреди улицы, лениво поправляя рукав. В его позе не было ни капли напряжения.

— Ты думаешь, что твои уроки фехтования что-то значат здесь? — он обратился к Ингрид, игнорируя меня, как надоедливую муху. — Твой учитель явно обучил тебя убивать зверей. Но я — не зверь. Я — воля этого места.

Ингрид сорвалась снова. На этот раз она действовала быстрее, её движения стали смазанными от ярости. Я пытался предугадать следующее появление предателя, концентрируясь на том самом «ощущении» внутри себя, но разумный одержимый играл с нами.

Это был не бой. Это была издевательская дрессировка.

Когда Ингрид наносила выпад, он делал полшага в сторону, ровно столько, чтобы острое прошло в миллиметре от его горла. Когда я пытался подсечь его под колено, он просто приподнимался над землей на дюйм, пропуская мой клинок под собой, и одновременно с этим отвешивал мне легкую унижительную затрещину.

— Ты! — Ингрид замахнулась для тяжелого удара сверху.

Кукловод перехватил её запястье. Это движение было таким быстрым, что я едва его заметил. Он не ударил её. Он просто слегка сжал руку, и я услышал, как заскрипели кости.

— Дух... — прошептал он ей в самое ухо. — Ты ведь чувствуешь, как она хочет вырваться? Позволь ей. Дай мне попробовать твою настоящую силу на вкус.

Он отбросил Ингрид в сторону, словно тряпичную кук-

лу. Она пролетела несколько метров и врезалась в забор. Я бросился на него, вложив в удар всю свою отчаянную злобу. Клинок шел идеально, я чувствовал, как «нечто» внутри меня вело руку.

Одержимый просто выставил два пальца. Сталь звякнула о них, как о гранитную скалу.

— А ты, мальчик... — он посмотрел мне прямо в глаза, и на мгновение я почувствовал, как в мой мозг впились тысячи раскаленных игл. — Ты пуст. Но в твоей пустоте спрятано нечто странное. Я не убью тебя. О нет. Демоны заплатят мне тройную цену за такого «носителя».

Он ударил меня наотмашь. Не кулаком - волной сырой темной энергии. Меня подбросило в воздух, легкие сдавило, а перед глазами расцвели кровавые пятна. Я упал рядом с Ингрид, пытаюсь вдохнуть хоть глоток воздуха.

— Вставайте, — кукловод поманил нас пальцем, и нити на его руках натянулись. — Представление только начинается. Мне нужно, чтобы вы были в полном сознании, когда я начну вытягивать из вас ваших духов. Ваш ужас будет куда слаще, чем седина того маленького графа или разорванное горло церковника.

Он шел к нам медленно и уверенно. Каждый его шаг отдавался пульсацией в висках. Вокруг нас одержимые «зрители» начали медленно поворачивать головы, следуя за его движениями. Улица превращалась в замкнутую арену, из которой не было выхода.

Я посмотрел на Ингрид. Из уголка её рта текла кровь, а в глазах вместо привычной ярости начал проступать первобытный осознанный страх. Страх перед тем, кто не просто сильнее, а кто полностью владел правилами игры.

— Нам нужно... что-то другое... — прохрипел я, пытаюсь нащупать меч. — Техники не работают. Он читает нас.

— Тогда перестань думать, — прорычала Ингрид, и её волосы начали шевелиться, словно от невидимого ветра. — Просто дай ему повод пожалеть о том, что он оставил нас в живых.

Кукловод рассмеялся, и этот смех эхом разнесся по Южной улице, заставляя «пустых» жителей деревни синхронно оскалиться в жутких беззвучных гримасах.

Враг стоял неподвижно, но нити, тянущиеся от его пальцев к «зрителям» в окнах, вибрировали, словно струны безумного инструмента. Я чувствовал, как с каждым его вдохом пространство вокруг него становится плотнее, а наше отчаяние — гуще.

— Ты слишком много думаешь, простолюдин, — бросил он мне, даже не глядя в мою сторону. — И слишком мало действуешь. Впрочем, твоя подруга сейчас это исправит.

Ингрид сорвалась. Это не был обычный рывок человека. Её тело окутало едва заметное изумрудное марево, а меч в её руке — где дремала неистовая сила духа — издал тонкий торжествующий звон. Она превратилась в размытую тень. Удар, еще один, разворот — сталь свистела в миллиметрах

от лица Кукловода. Она двигалась с колоссальной скоростью, которую давал ей дух, но предатель лишь танцевал.

Он не отступал. Он плавно перетекал из одной позы в другую, заставляя Ингрид рубить пустоту. Это была издевательская игра, и Кукловод настолько упивался своим превосходством над «дочкой инквизитора», что на мгновение перестал считать меня угрозой.

Я тяжело поднялся, сжимая рукоять своего меча. Ладонь жгло. То самое «ощущение», которое я чувствовал раньше, теперь сменился странным тянущим предчувствием. Я смотрел не на Кукловода, а на серые нити, что связывали его с деревней. Они пульсировали. Каждый раз, когда Кукловод уклонялся от молниеносной атаки Ингрид, одна из нитей вспыхивала, высасывая искры жизни из стоящих в тумане «пустых» жителей.

«Он не сам по себе такой быстрый», — пронеслось в голове. — «Он просто берет их силу. Он словно паразит».

Я бросился к ближайшей нити, что тянулась к старухе на крыльце. Удар! Меч прошел сквозь серый дым, не встретив сопротивления. Нить даже не дрогнула. Я попробовал перекрыть её своим телом — без толку, она просто прошла сквозь меня, оставив во рту привкус меди.

Кукловод, краем глаза заметив мои метания, коротко хохотнул:

— Пытайся-пытайся, воришка. Эту связь не разорвать сталью. Она вплетена в самую суть...

Он не закончил. В пылу очередного выпада Ингрид я инстинктивно выставил меч перед собой, пытаясь отгородиться от волны силы, исходящей от её атак. Плоская сторона лезвия коснулась одной из нитей.

Раздался звук, похожий на вздох умирающего. Нить не порвалась — она всосалась в металл моего меча. Серое марево мгновенно исчезло, втянутое в клинок, как вода в сухую губку. Старуха на крыльце тут же мешком повалилась на доски, а Кукловод внезапно споткнулся на полушаге.

Мой меч... он работал как вакуум.

— Что за... — прошипел предатель, впервые теряя свою вежливую маску.

Я не стал отвечать. Теперь я видел не врага, а «паутину». Я метался по улице, подставляя лезвие под тянущиеся дымные связи. Вжик! Вжик! Меч жадно поглощал серую энергию, тяжелея в руке, и начал вибрировать от неестественного аппетита.

Связь Кукловода с деревней рушилась. Его движения стали прерывистыми, дергаными. Он попытался исчезнуть и появиться позади Ингрид, но вместо плавного перемещения его буквально «выбросило» из пространства в пяти шагах от неё. Он зашатался, не понимая, почему его сила дала осечку.

— Сейчас! — заорал я.

Ингрид среагировала мгновенно. Её дух, почуяв слабость врага, выдал последний, запредельный рывок. Она нанесла сокрушительный удар сверху, вкладывая в него всю свою

ярость. Кукловод выставил руку, пытаясь создать барьер, но без подпитки от «зрителей» его защита лопнула, как тонкое стекло.

В ту же секунду я, оказавшись сбоку, вогнал свой нож — обычный стальной нож, который всегда висел на моём поясе, прямо в его бок. Лезвие вошло по самую рукоять. Теперь он был осязаемым. Настоящим. Плотным. Дабы добить врага, я проткнул его сердце своим налитым мощью клинком.

Предатель захрипел, оседая на колени. Из его раны потекла густая черная кровь. Ингрид стояла над ним, тяжело дыша, её меч всё ещё светился изумрудом.

— Мы... мы сделали это? — выдохнула она, глядя на поверженного Кукловода. — Мы победили?

С облегчением я перевел взор на нее. Да. Это победа. Полная и окончательная. Наша победа.

Но тишина Скрала не сменилась облегчением. Напротив, она стала абсолютной.

— Победили? — голос одержимого изменился. Он стал многослойным, в нем послышался скрежет камней и вой пустынного ветра. — Вы думали, что если перерезали поводок, то собака перестанет кусаться?

Давление обрушилось на нас внезапно. Это не была физическая сила — это была тяжесть самой тьмы. Воздух стал густым как смола. Я почувствовал, как мои колени подогнулись, а Ингрид застыла рядом, не в силах даже поднять руку. Мы оказались замурованы в пространстве, где само время,

казалось, остановилось.

Одержимый спокойно и медленно поднялся. На его лице больше не было гнева, только холодная бесконечная насмешка. Он протянул руку и аккуратно, двумя пальцами, вытащил мой меч из своих ребер, а затем и меч Ингрид, который она так и не успела отвести. Мой нож и вовсе сам собой выпал из его тела. Прямо на наших глазах страшные раны начали затягиваться, не оставляя даже шрамов.

— Наивные дети Гадара, — он лениво отбросил наши мечи-сосуды в сторону, и те со звоном покатались по камням. — Вы так гордитесь своими духами... Этими жалкими остатками бывшего величия, запертыми в кусках железа.

Он подошел ко мне вплотную. Его дыхание пахло сухим песком и древностью.

— Запомни одну вещь, мальчик, прежде чем я вырву из тебя твою пустоту. У вас есть духи, застрявшие в мечах. А у меня... — его глаза вспыхнули багровым пожаром, и за его спиной соткалась колоссальная тень с множеством рук. — У меня есть джинн. И в отличие от ваших «сожителей», он не скован металлом. Он голоден.

Я видел, как тень за его спиной медленно раскрывала пасть, и понял: всё, что мы видели до этого, было прелюдией. Настоящий ужас Скрала только что открыл глаза.

А дальше начался не бой. Дальше на нас обрушилось методичное профессиональное избиение.

Когда одержимый нанес первый удар, я даже не успел

моргнуть. Его кулак, тяжелый как кузнечный молот, врезался мне в солнечное сплетение. Воздух с хрипом вырвался из легких, а мир перед глазами вспыхнул белыми искрами. Я упал, но он не дал мне коснуться земли — схватил за ворот и швырнул в стену склада, словно мешок с мусором.

— Вставай, — ласково прошептал он. — Спектакль только начался.

Ингрид закричала. Её изумрудное сияние вспыхнуло с такой силой, что на мгновение туман вокруг нас рассеялся. Она полностью слилась со своим духом, а её меч стремительно сорвался с земли и устремился к ней в руку, а после превратился в полосу чистого света. Она двигалась быстрее мысли, но Кукловод... он просто стоял.

Он принимал её удары на голые предплечья, и каждый раз воздух содрогался от столкновения его темной мощи и её ярости. А потом он начал бить в ответ. Короткими точными движениями он ломал её оборону, вбивая её в грязь улицы. Он не использовал магию джинна для атаки, он просто избивал её руками, наслаждаясь каждым хрустом её ребер и каждым стоном.

— Какая гордость, — комментировал он, нанося очередной удар по лицу Ингрид, от которого она отлетела к моим ногам. — Какая чистопородная спесь. Ты ведь думала, что твоя кровь защитит тебя? Что твой наблюдатель придет и спасет маленькую принцессу? Думаете, что те трое инквизиторов-наблюдателей бросятся к вам на помощь? А вы уве-

рены, что они вообще знают о том, что с вами происходит? Почему их до сих пор нет? А?

Я попытался подняться, опираясь на обломок доски. Лицо превратилось в сплошную маску боли, кровь залила глаза, смешавшись с едким потом. Мой меч валялся в паре шагов, но рука не слушалась.

— Ну же, Акиро, — Кукловод подошел ко мне и с силой наступил на мою кисть. — Где же твое «нечто странное»? Почему оно молчит, пока твою подругу и тебя превращают в отбивную?

Он наклонился, схватил нас обоих за шкурки — меня в левую руку, Ингрид в правую — и потащил по камням. Мы волочились за ним, оставляя на пыльной дороге два кровавых следа.

— Вы, должно быть, гадали, почему на улицах только старики и дети? — его голос звучал почти интимно. — Куда делись молодые соки этой деревни? Демоны — существа практичные. Им нужны инкубаторы, им нужна плоть. Но самое вкусное... самое вкусное я оставил здесь. Для демонстрации.

Он пинком распахнул тяжелые створки склада. Внутри пахло не зерном, а мочой, потом и концентрированным ужасом.

— Смотрите, — он рывком поднял наши головы, вцепившись пальцами в волосы. — Не смейте закрывать глаза. Это ваше будущее.

В глубине склада, на грязной соломе, я увидел их. Пяте-

рых девушек. Еще совсем молодые, почти девочки. Их одежда превратилась в лохмотья, а на телах не было живого места от синяков и укусов. Но страшнее всего были их глаза. В них не было черноты одержимости. В них была абсолютная кристально-чистая человеческая боль и обреченность. Призраки не забирали их разум, демоны хотели, чтобы они чувствовали всё.

Прямо на наших глазах огромный бес, костлявый и скользкий, навалился на одну из них. Она не кричала — только глухо хрипела, глядя в потолок остекленевшим взглядом. Рядом оборотень с мерзким рычанием терзал другую. Это была не просто похоть монстров — это был ритуал унижения человеческой природы.

— Видишь, Ингрид? — Кукловод склонился к её уху, заставляя её смотреть на то, как черт с багровой кожей издевался над очередной жертвой. — У оборотней огромный член, а бесы очень... нетерпеливы. Ну а твой дух внутри меча — это деликатес лично для меня. Джинн выпьет его по капле, а пока он будет это делать, я отдам тебя им. Представь, как твои родители обрадуются, когда получат назад свою дочь в таком виде. Если вообще узнают. Ведь на тебя у меня большие планы.

Я задышался от бессилия. Но тут мой взгляд упал в дальний угол склада. Там, на возвышении из ящиков, происходило нечто иное.

Суккуба. Она была неестественно красива — бледная ко-

жа, длинные рога и крылья, похожие на обрывки шелка. Она сидела верхом на молодом парне, чье лицо было искажено гримасой, в которой ужас смешивался с безумным экстазом. С каждым её движением, с каждым сладострастным вздохом твари парень буквально таял. Его кожа серела и обтягивала кости, мышцы исчезали, превращаясь в сухие жилы.

— Это — высший порядок, — прошептал Кукловод, проследив за моим взглядом. — Она не просто трахает его тело, Акиро. Она пьет его жизнь, его искру, его память. Посмотри на финал. Это красиво.

Суккуба издала долгий, вибрирующий стон, выгнувшись дугой. В этот же миг парень под ней дернулся в последней судороге и... затих. Его тело в секунду превратилось в высушенную мумию, обтянутую пергаментной кожей. Тварь легко соскочила с останков, слизнула каплю жизни с губ и посмотрела прямо на нас. Её глаза были голодными.

— Тебе, Акиро, я уготовил именно её, — Кукловод рассмеялся, отбрасывая нас на пол. — Ты ведь у нас «пустой». Значит, она сможет вливать в тебя тьму снова и снова, пока ты не превратишься в вечный сосуд для её удовольствия. Ты не умрешь быстро, как этот пастух. Ты будешь сохнуть годами.

Он наступил мне на грудь, выдавливая остатки воздуха.

— Ну как вам экскурсия? Теперь вы понимаете, что ваша вера, ваши мечты и ваша гордость — это просто приправа к нашему ужину?

Я посмотрел на Ингрид. Она лежала в пыли, и в её глазах, впервые на моей памяти погас свет. Кукловод победил. Он раздавил нас не силой, а реальностью Скрала.

В голове словно сработал ржавый тумблер. Боль, только что разрывавшая тело, вдруг отодвинулась на задний план, став тусклой и неважной, как старая картинка в учебнике.

— Ну что, дрыщ, накушался? — прозвучал прямо в центре моего сознания до зубной боли ленивый голос с очень знакомыми интонациями. — *Дальше будем сопли на кулак наматывать или, может, перестанешь заниматься фигней и дашь бате поработать?*

— Помоги... — мысленно прохрипел я, чувствуя, как сознание медленно уплывало. — *Сделай что-нибудь.*

— *Сделаю, не вопрос. Только условия задачи поменялись, шкет. Ты сейчас закрываешь глазки и идешь на боковую, а я беру штурвал. Но за сервис надо платить. С тебя — ровно двенадцать часов в твоём теле. Буду гулять, пить, есть... короче, развлекаться, а ты посидишь в подсобке и не будешь вякать. Идёт?*

— Я хочу видеть... — я буквально вцепился в остатки разума. — *Хочу видеть, как ты их размажешь.*

Дух на мгновение замолчал, словно обдумывая предложение.

— *Хех, любопытный ты малый. Ладно, аттракцион «Битва глазами пассажира» объявляется открытым. Но срок аренды твой тушки увеличивается до суток. По ру-*

кам?

— По рукам... — выдохнул я.

И мир перевернулся.

Одержимый Кукловод как раз заносил ногу, чтобы окончательно вбить мою голову в гнилые доски склада, когда его движение замерло. Мое тело, которое секунду назад напоминало кусок избитого мяса, вдруг неестественно выгнулось. Пальцы левой руки впились в щиколотку предателя с такой силой, что послышался хруст кости.

— База, приём, я первый, — произнес я, но это был уже не совсем мой голос. Это был рокочущий бас, пропитанный такой уверенностью, что Суккуба в углу непроизвольно втянула голову в плечи.

Одержимый попытался вырваться, но моё тело уже стояло на ногах. Движения были молниеносными, четкими, без единого лишнего жеста. Кукловод отскочил назад, его глаза-щелки расширились от непонимания.

— Ты... что ты такое? — прохрипел он, чувствуя, как джинн внутри него начал тревожно выть.

— Я — твой кошмар на ближайшие пять минут. Больше ты не вытянешь, скучный ты, — мой дух лениво размял шею, и хруст позвонков прозвучал как выстрел. — Ну что, черти, дискотека окончена. Финита ля комедия, как говорят в приличных домах.

Меч, валявшийся в пыли, прыгнул в руку духа, словно дрессированный пес. Ингрид, лежавшая рядом, только и

смогла, что приоткрыть один глаз, когда вокруг нас закружился настоящий вихрь смерти.

Первым под раздачу попал оборотень. Тварь даже не успела рыкнуть, когда мой дух, сделав изящный пируэт, отсек ей обе лапы, а следующим движением вогнал клинок точно в основание черепа. Без лишних спецэффектов, без «светящихся шаров» — просто чистая концентрированная техника.

— Один-ноль в пользу гостей, — прокомментировал дух, перепрыгивая через судорожно дергающуюся тушу.

Бесы разбежались в стороны, пытаясь скрыться в тенях стропил, но для моего нового «я» теней не существовало. Он метал обломки ящиков с такой точностью, что твари осыпались на пол с пробитыми головами как перезрелые груши.

Кукловод закричал, вскидывая руки. Серые нити, теперь налитые багровым светом джинна, хлестнули в нашу сторону, пытаясь опутать, высосать жизнь. Дух даже не стал уклоняться. Он выставил лезвие меча плашмя, и нити просто впитались в металл, заставляя клинок гудеть от восторга.

— Слышь, дядя, ты рамсы попутал, — дух медленно пошел на Кукловода, игнорируя суккубу, которая пыталась зайти со спины. — Ты думал, что если сожрал деревню крестьян, то поймал бога за бороду? Ты просто мелкий паразит на теле джинна. А джинн твой... м-да. Я таких на завтрак кушал еще до того, как ваш Гадар по кирпичам собирали.

Суккуба бросилась в атаку, её когти метили в шею. Дух,

не оборачиваясь, перехватил её за горло свободной рукой. Он держал её, как курицу, пока она отчаянно била крыльями и пыталась соблазнить его магией взгляда.

— Стерва, у тебя косметика потекла, — бросил он и с размаху впечатал её лицом в стену, проламывая доски.

Кукловод понял, что дело пахнет керосином. В последней отчаянной попытке он схватил ближайшую девушку, прикрываясь ею, как щитом, и приставил нож к её горлу.

— Стой! — заорал он. — Один шаг, и я прирежу её! Инквизиция ведь печется о жизнях, верно?!

Дух остановился и... расхохотался. Это был злой, издевательский смех, от которого у меня внутри всё сжалось.

— Ты серьезно? Ты думаешь, мне есть дело до этой девки? — дух покрутил меч в пальцах. — Слушай сюда, гений тактики. В моем сценарии массовка не предусмотрена. Считай, что ей не повезло с соседом.

Движение было настолько быстрым, что я, даже будучи внутри, едва его уловил. Меч пронзил девушку насквозь, войдя точно в сердце одержимого, стоявшего за ней. Кукловод вытаращил глаза, глядя на окровавленное острие, вышедшее из его спины.

— Ты... ты же... — прохрипел он, захлебываясь кровью.

— Я же предупреждал: мне фиолетово, — дух выдернул меч. — Одним трупом больше, одним меньше... Главное, что ты теперь — решето.

Суккуба, окровавленная и лишившаяся одного крыла, пы-

талась ползти к выходу, но дух наступил ей на позвоночник.

— Куда собралась, чикса? Обед еще не закончен.

Он вытянул руки над обоими врагами. Я почувствовал, как меч-сосуд начал пульсировать, превращаясь в черную дыру. Сила джинна и жизненная энергия суккубы начали всасываться в мое тело густыми темными жгутами. Кукловод сох на глазах, превращаясь в такую же мумию, как тот парень, а джинн внутри него издал последний предсмертный визг и исчез в бездне моего клинка.

— Тьфу, кислятина, — дух с явным разочарованием опустил руки, когда на полу остались лишь две высохшие оболочки. — Никакого букета, никакой выдержки. Просто дешевое пойло для бедных. И это всё? Ради этого я отрывался от астрального дивана?

Он оглядел склад. Выжившие девушки забились в углы, глядя на нас с таким ужасом, будто мы были хуже всех демонов вместе взятых. Ингрид смотрела на меня широко открытыми глазами, в которых читалось лишь одно слово: «Чудовище».

— Ну, шкет, принимай аппарат, — дух зевнул. — Я всё починил. Только не забудь — через неделю я беру выходной на сутки. Буду пробовать местное пиво и девок. Надеюсь, оно лучше, чем этот джинн. И да. Не забудь про бабки. А то без денег хер я что смогу купить. Ладно. Чао, малыш. Дух улетел, но обещал вернуться.

Мир снова дернулся, и на меня обрушилась вся накоплен-

ная усталость и боль, хотя раны чудесным образом затянулись. Я стоял посреди кровавого хаоса, сжимая в руке меч, который стал холодным как лед.

Испытание продолжалось. Но я уже знал: самым опасным существом в Скрале был не джинн. И даже не лейтенант София.

Это был я сам.

- Так вот как, оказывается, выглядит твой дух, – раздался неожиданно знакомый женский голос сверху.

Я вздрогнул от неожиданности и поднял взор вверх. Под самым потолком, где наружу из склада выходило небольшое окно, прямо на балке сидела лейтенант София Линберг. Сидела, и беспечно болтала ножками.

- Любопытно и забавно, – иронично произнесла она, спрыгнув вниз и элегантно приземлившись, да так, что не единая пылинки в воздух не поднялась. – Ладно. С главным здесь вы закончили. Можно идти на точку сбора. Эй, Ингрид, ты там как? Жива? Все еще хочешь продолжить?

- Дааа, – прохрипела с трудом девушка, переворачиваясь на бок.

- Ну хочешь, как хочешь, – равнодушно пожала лейтенант плечами. – Тогда подъем и пошли.

- А как же они? – в полной растерянности спросил я, указав взором на бедных выживших четырех девушек селянок.

- Ими есть кому заняться, – мельком бросив взгляд в ту сторону, добавила лейтенант и вышла из склада.

Глава 3

Площадь Скрала выглядела так, будто по ней прошелся ураган, оставив после себя запах озона и липкий страх. Мы собрались у колодца в центре. Недалеко от нас краем взора я заметил что-то овальное, но когда присмотрелся, сразу отвернулся. Это была голова ребенка. Когда-то здесь была ключом жизнь, а теперь здесь стояли мы. Шестнадцать... мрачных и угрюмых.

Взглянуть на наш отряд было больно. Анри дэ Норский сидел на краю каменного желоба, тупо уставившись в одну точку. Его некогда роскошные волосы, которыми он гордился, теперь белели в сумерках, как покрытая инеем сухая трава. Бестужев пытался оттереть кровь с камзола, но только размазывал её, превратив герб своего рода в бесформенное пятно. Церковники сгрудились вокруг Эвклипа, который всё еще держался за горло, хотя кожа там была гладкой — магия инквизиторов залечила плоть, но не смогла склеить разбитую вдребезги веру. Когда я узнал, как именно его чуть не убили, то меня передернуло. Не хотел бы я оказаться на его месте.

Инквизиторы же... им было просто скучно. Один из них лениво ковырял спичкой в зубах, другой что-то записывал в блокнот. София Линберг, постояв и осмотревшись, подошла

к нам.

— Ты, — она указала на ближайшего инквизитора со спичкой в зубах, — проверь склад. Выживших девок я усыпила силой, чтобы не выли и не мешали. Следи, чтобы не захлебнулись слюной, пока не придут монахи. Если кто дернется, вколи успокоительное.

— Лейтенант... — Анри поднял голову. Голос его звучал глухо, как из-под земли. — Что дальше? Испытание закончено?

София обернулась. На её лице не было ни капли сочувствия, лишь холодный расчет.

— Для кого-то - да. А для кого-то только началось. Сейчас привал. Утром мы выдвигаемся к порталной зоне.

Она сделала паузу, обводя нас взглядом, словно выбирала скотину на ярмарке.

— Но у вас есть выбор. Те, кто понял, что «героизм» пахнет не розами, а дерьмом, могут остаться здесь. Эвклипа Аварского утром заберет конвой, он возвращается в Гадар. Вы можете поехать с ним. Никаких взысканий, просто... вы признаете, что не тянете на учеников Линберга. Решайте до рассвета. И учтите. Дальше будет только хуже.

В наступившей после её слов тишине послышался глухой ритмичный стук. Земля под ногами задрожала. С южной стороны, разгоняя туман, в деревню входил отряд.

Сначала показались рыцари. Настоящие, в полном боевом облачении, на мощных конях, чье храпение казалось музы-

кой после мертвой тишины складов. Впереди, верхом на массивном гнедом жеребце, ехал он.

— Дядя Тихон... — выдохнул я, не веря своим глазам.

Илларион Тихон выглядел как скала, о которую разбиваются любые волны. Его доспехи не сверкали пафосом, они были рабочими, в щербинах и пыли дорог. За рыцарями тянулся караван: телеги с монахами в серых рясах и обычные люди — будущие жители этой проклятой деревни. Они ехали сюда жить, пока мы здесь учились умирать.

Мы замерли в недоумении. Никто не потрудился нам объяснить, что Скрал не просто «зачищали», его сразу же заселяли заново.

Тихон осадил коня прямо перед Софией. Его взгляд скользнул по нам, на мгновение задержавшись на мне и Ингрид. Я увидел, как сжались его челюсти под густой бородой.

— Лейтенант Линберг, — Тихон не спешил, голос его рокотал, перекрывая шум каравана. — Вижу, вы закончили основную часть работы.

София скрестила руки на груди. Её губы сжались в узкую линию.

— Илларион, ты здесь что забыл? По протоколу, зачистка - ответственность Инквизиции до официальной передачи сектора. Тебе не кажется, что твое личное присутствие здесь... излишне?

— Я — командир рыцарей тринадцатого сектора, — спокойно возразил Тихон, легко соскакивая с седла. Его сапо-

ги тяжело ударили по брусчатке. — И обеспечение безопасности новых поселенцев — моя прямая работа. К тому же, я обязан проверить состояние складских помещений... если то, что от них осталось, еще можно так назвать.

София закатила глаза, но спорить не стала.

— Все с тобой ясно. Ладно, делай что хочешь, - бросила она и повернулась к инквизитору с блокнотом. — Уведи этих оборванцев. Вон тот дом на окраине, кажется, не сильно пострадал. Пусть располагаются в нём.

Инквизитор кивнул и жестом велел нам следовать за ним. Мы поплелись как тени, чувствуя на себе взгляды рыцарей и поселенцев. Но не успел я сделать и десяти шагов, как тяжелая рука легла мне на плечо.

— Стой, малец, — Тихон подошел к нам.

Он выглядел огромным. От него пахло конем, сталью и чем-то домашним. Он посмотрел на Ингрид, которая замерла рядом, вся избитая и в крови, а потом на меня.

— Живые. И то хлеб, — он коротко кивнул, и в его глазах я увидел не жалость, а суровое одобрение. — Разберусь с бумажками и поселенцами, загляну к вам.

Он снял с седла своего коня увесистую холщовую котомку и всучил её мне прямо в руки.

— На, держи. Дарья передала. Сказала, если я не передам вам нормальной еды, то она со мной год разговаривать не будет. Там пироги с мясом, сыр и ее личный компот. Делите на всех.

Я стоял, обнимая котомку, и чувствовал, как в носу предательски защипало. Ингрид рядом покраснела аки рак, уставившись на свои сапоги. София Линберг, наблюдавшая за этой сценой, демонстративно закатила глаза к небу и, махнув рукой, пошла в сторону ратуши.

Этот простой жест - котомка с едой от женщины, которая ждала нас дома - сделал то, что не смог бы сделать никто другой. Мрачность Скрала вдруг стала чуть менее абсолютной. Даже Бестужев, стоявший неподалеку, не выдержал и скупно улыбнулся.

— Пироги, значит... — пробормотал он. — С мясом?

— Угу, — я шмыгнул носом, крепче прижимая торбу к себе. — С мясом.

Мы пошли к нашему временному пристанищу, и впервые за этот бесконечный день в нашем отряде не было слышно хруста сломанных костей или криков одержимых, а мрачность окружавшего мира показалась не такой уж и безнадежной. Только тихий шелест шагов и скрип телег селян, въезжающих в деревню, а также надежда, что завтрашнее утро будет хотя бы немного лучше.

Дом на окраине Скрала оказался на удивление крепким. Старая каменная кладка первого этажа и потемневшее от времени дерево второго - типичное жилище зажиточного селянина. Внутри пахло пылью и застоявшимся холодным воздухом. Спешное бегство хозяев читалось в каждой мелочи: перевернутая табуретка в сенях, забытая на столе детская

тряпичная кукла, брошенная в спешке недоеденная каша, покрытая слоем серой плесени. Но здесь не было крови. Ни на стенах, ни на полу. После склада это место казалось мне императорским дворцом.

— Располагайтесь, — буркнул инквизитор, тот самый, что не расставался со своим блокнотом. Он окинул нас равнодушным взглядом. — Со двора не выходить. Увижу кого за забором - пеняйте на себя.

Мы замерли посреди просторной горницы. Шестнадцать подростков, которые еще утром считали себя солью земли, теперь выглядели как стая избитых бездомных псов.

— По очереди, — инквизитор кивнул на дверь, ведущую во двор. — Сначала смываете с себя это дерьмо, потом жрите и спать. Во дворе колодец. Рядом баня, печь там не работает, но крыша есть. Таскайте воду, умывайтесь. Ингрид — первая. Шевелись.

Ингрид вздрогнула и молча направилась к выходу. Она шла, странно сутулясь, будто её придавило невидимым грузом. Я проводил её взглядом, чувствуя, как внутри ворочается тяжелый ком. Может я и тугодум, но прекрасно понимал, насколько ей тяжело сейчас. То, что произошло на складе, навсегда останется с нами.

Когда подошла моя очередь, солнце уже начало клониться к горизонту, окрашивая туман Скрала в тревожный оранжевый цвет. Баня встретила запахом старого веника и сырости. Я занес ведро ледяной воды и начал буквально скрести

кожу. Кровь суккубы, пот, пыль — всё это стекало серыми ручьями на деревянный пол.

Я тер руки до красноты, но ощущение клинка, входящего в плоть той девушки-заложницы, не смывалось. Перед глазами так и стояло её лицо — испуганное, бледное, и тот миг, когда жизнь в её глазах сменилась пустотой. «Массовка не предусмотрена», — прозвучал в голове издевательский голос Духа.

Сила... Мне понравилась эта сила. Это было пугающе и сладостно — чувствовать, что мир вокруг замедляется, когда ты хозяин каждой секунды. Но цена... Я посмотрел на свои ладони. Мои руки. Но убил не я. Или всё-таки я? Это была моя рука. Мой меч. Грань между мной и «духом» стала опасно тонкой.

Когда я вернулся в дом, там царило тяжелое молчание. Подростки сидели вдоль стен, тени от единственной масляной лампы причудливо плясали на их изнуренных лицах. Бестужев и Анри дэ Норский сидели особняком, стараясь сохранить остатки достоинства, но их пустые взгляды выдавали их с головой.

Я молча подошел к массивному дубовому столу в центре комнаты. Холщовая котомка Тихона казалась сейчас самой ценной вещью во всем мире. Я начал выкладывать содержимое.

Сначала на стол лег увесистый круг сыра, пахнущий луговыми травами. Затем — два огромных каравае свежего хле-

ба, завернутых в чистое полотно. Но когда я вытащил противень, обернутый в несколько слоев ткани, чтобы сохранить тепло, по комнате поплыл *запах*. Запах жареного мяса, лука, домашнего теста и специй. Пироги Дарьи.

Я услышал, как кто-то из церковников громко сглотнул. Бестужев дернул носом, его взгляд невольно приклеился к столу. Анри дэ Норский выпрямился, его аристократическая маска на мгновение дала трещину. Гордость — штука хорошая, но когда не ел сутки, а до этого сражался за свою жизнь, желудок становится главным господином.

— Ешьте, — негромко сказал я, достал нож и начал нарезать пироги на равные куски. — На всех хватит. Тут еще компот Дарьи, в бутылках.

Я разложил порции. Первую - Ингрид. Она сидела в углу, закутавшись в найденное на печи одеяло. Когда я протянул ей кусок пирога, она подняла на меня глаза. В них был такой коктейль из страха, благодарности и отвращения, что мне захотелось отвернуться. Её руки, принявшие еду, дрожали так сильно, что кусок едва не упал. Она вцепилась в него и начала жадно, почти по-звериному, есть, не глядя ни на кого.

Затем я положил куски перед Бестужевым и Норским. Они колебались ровно три секунды. Иерархия, «вес рода», право крови — всё это рассыпалось в пыль перед запахом домашней еды. Граф и наследник древнего рода ели с того же стола, что и воришка из трущоб, и ели ту же еду.

— Спасибо, Акиро, — глухо произнес Бестужев, прежде

чем отправить в рот очередной кусок. Это было сказано едва слышно, но для него это, должно быть, стоило невероятных усилий.

Я сам сел на край лавки, взяв горбушку хлеба. Есть не хотелось. Вина за ту девушку сидела в горле комом, мешая глотать. Дух внутри молчал, сыто притихнув после «десерта» в виде силы джинна, но я чувствовал его присутствие. Он был доволен. А я... я чувствовал себя оскверненным.

— Вкусно... — прошептал парень-церковник, запивая пирог компотом. — Словно дома.

Дома. У большинства из них были поместья, слуги, шелковые простыни. У меня комната в доме Тихона и ворчливая Дарья. И сейчас мой «дом» кормил их всех.

Тишина стала другой. Она перестала быть мертвой и гнетущей, в ней появилось что-то живое, человеческое. Стук посуды, тяжелое дыхание, редкие тихие фразы. Мы выжили. Сегодня выжили.

Дверь скрипнула, впуская порцию холодного ночного тумана. На пороге стоял Тихон. Его массивная фигура в проеме загородила свет луны. Он оглядел нас - умытых, жующих, притихших.

— Вижу, Дарья не зря старалась, — его голос, низкий и спокойный, окончательно разогнал остатки кошмара. — Всем приятного аппетита.

Он шагнул внутрь, и дом окончательно перестал быть временным убежищем, превратившись в крепость. Потому что

массивная фигура Иллариона Тихона в тяжелых доспехах внушала уверенность и безопасность, и пока он был здесь, казалось, ни один джинн или суккуба не посмеют войти в эти двери.

Когда все поели, а последний из аристократов скрылся на втором этаже, ну а церковники, тихо перешептываясь, ушли в дальнюю комнату искать свободные тьюфыки, в горнице повисла тишина. Инквизитор, мельком глянув на нас, вышел на крыльцо. Сквозь щели в дверях донесся резкий запах дешевого табака — он стоял там, подпирая косяк, и его равнодушный силуэт в лунном свете казался вырезанным из жести.

Тихон тяжело опустился на лавку рядом с Ингрид. Дерево под его весом жалобно скрипнуло.

— Подойди, Акиро, — негромко позвал он, кивнув на свободное место напротив. — Рассказывай. Только без прикрас, как есть.

Я сел, чувствуя, как под взглядом Тихона вся моя напускная стойкость начинает крошиться. Рассказал всё. О пустой улице, о разумном одержимом, о том, как тот «играл» с нами, и о складе... Я старался говорить сухо, фактами, но когда дошел до того, как мой Дух убил заложницу, голос предательски дрогнул.

Тихон слушал молча, лишь изредка поглаживая густую бороду. Когда я закончил, он перевел взгляд на Ингрид. Она сидела, не шевелясь, уставившись в пустую кружку, и в туск-

лом свете лампы её лицо казалось высеченным из серого камня. Тихон печально качнул головой, будто видел такие взгляды тысячи раз. Это был взгляд человека, который только что понял: мир гораздо грязнее, чем сказки о доблести.

— Тяжело это, — наконец произнес он, и его голос в тишине комнаты прозвучал на удивление мягко. — Но вы живы. В нашем деле это единственный критерий успеха, как бы София ни кривила губы.

Он помолчал, а затем внимательно посмотрел мне прямо в глаза.

— Что скажешь, малец? Теперь, когда ты увидел изнанку... Останешься? Или утром сядешь в повозку к монахам?

Я невольно хмыкнул, и в этом звуке было больше горечи, чем иронии.

— А у меня есть выбор? С Эдвином Линбергом у меня есть шанс стать намного сильнее. А без него?

Тихон мрачно свел брови. Он знал ответ, но видимо хотел услышать его от меня.

— Дядя Тихон... — я замялся, но любопытство, возвращенное годами выживания, взяло верх. — А можно вопрос?

— Спрашивай, — оживился он, словно рад был сменить тему.

— Зачем всё это? Деревня еще кровью пахнет, а вы уже караван привели. Люди... они ведь видели те же трупы, кровь и части тел, что и мы. Зачем им это? Зачем городу восстанавливать деревни там, где нечисть может вырезать всех за

одну ночь?

Тихон вздохнул, подперев голову рукой.

— Понимаешь, Акиро... Демоны — они ведь тоже существа расчетливые. Нападать на деревню в двадцать дворов им, по большому счету, без надобности. Слишком много мороки ради малого куша. Они ждут. Ждут, пока люди ослабятся, пока обживутся, пока... — он запнулся, подбирая слово, — наплодятся. Некоторые деревни живут по сто лет без единой атаки. Для обычного человека это целая эпоха. Сменится три поколения, вырастут дети, внуки, и страшилки о демонах станут просто сказками для непослушных малышей.

Я вспомнил свою жизнь в трущобах Гадара. Грязь, вечный голод, драки за обноски и холодные ночи под перевернутыми корытами. И уверенность, что нечисть где-то далеко, а не здесь и рядом.

- Да, но откуда столько желающих? Где вы набрали столько народу? — все же удивился я вслух.

— А народ... — продолжал Тихон. — Народ мы набираем в самых бедных кварталах. Там, где ты вырос, например. И знаешь что? Желающих всегда в три раза больше, чем мест в караване. Ибо для них лучше прожить тридцать лет в сытости, в своем доме, на свежем воздухе, имея свою землю и скотину, чем медленнодохнуть в сточных канавах города, борясь за выживание с такими же бедолагами. В городе человек — мусор. Здесь, в деревне, он хозяин. Риск? Да. Но в

трущобах риск сдохнуть от болезни или ножа соседа гораздо выше.

Я представил себя прошлого в этой деревни. Свой дом, тепло, всегда есть еда. Да. Пожалуй, дядька прав. Для всех моих бывших «знакомых» из прошлого такая жизнь - недосягаемая мечта, ради которой можно рискнуть и головой.

— К тому же, — добавил Тихон, — первые десять лет здесь будет стоять отряд монахов. Они и подлечат, и защитят, и если что — сигнальный огонь зажгут для рыцарей. Обычно этого хватает, чтобы мелкая нечисть обходила деревню стороной. Демонам невыгодно воевать с подготовленными бойцами за десяток крестьян. Им нужна... легкая добыча.

— И всё же, — я не отступал, — кукловод на складе... Он говорил о девушках. О том, что они нужны демонам. Зачем?

Тихон нехотя выпрямился, и я увидел, как на его лице проступила тень чего-то древнего и темного.

— Главная цель демонов — не мясо, Акиро. Им нужны женщины. Люди для них — не только еда, но и ресурс. Чтобы демоническая суть могла укорениться в нашем мире, им нужны носители. Женщины — это лишь сосуд. Демоны используют их, чтобы... плодить полукровок, одержимых, бевсов, чертей или просто высасывать жизненную искру в моменты боли и экстаза, как та суккуба, что ты видел. Это самая грязная часть нашей войны. Самая мерзкая.

В этот момент Ингрид, до этого сидевшая неподвижно,

вдруг вскинула голову. Её глаза, всё еще красные от пыли и усталости, вспыхнули таким ледяным пламенем, что даже Тихон невольно отодвинулся.

— Значит, мы для них — просто корм и сосуды? — голос её был тихим, но в нем слышался лязг стали. — Они ждут, пока мы «наплодимся», чтобы прийти и забрать нас на свои «склады»?

Она с силой сжала кулаки, и я увидел, как на столешнице проступили мелкие трещины.

— Я буду уничтожать их, — произнесла она, глядя в пустоту перед собой. — Каждого беса, каждого оборотня, каждого, кто посмеет считать человека своей добычей. Я выжгу эту скверну везде, где найду. Слышишь, Акиро? Везде.

Тихон посмотрел на неё с сочувствием, в котором читалось горькое узнавание.

— Это хороший гнев, девочка, — сказал он. — Но не дай ему выжечь тебя изнутри раньше, чем ты доберешься до настоящего врага.

Я смотрел на них двоих: на старого рыцаря, который принял этот мир таким, какой он есть, и на молодую аристократку, которая только что объявила нечисти личную месть. А внутри меня молчал мой Дух, и я готов был поспорить, что он сейчас ехидно ухмылялся. Ведь для него вся эта философия была лишь «массовкой», мешающей наслаждаться спектаклем.

— Ладно, — Тихон поднялся, его доспехи негромко звяк-

нули. — Хватит на сегодня мрака. Завтра у вас следующая деревня. София будет злой, а нечисть — голодной. Ложитесь спать. Отдых телу – успех делу!

Он потрепал меня по плечу и вышел, оставив нас вдвоем с Ингрид. Мы молча сидели, а за окном Скрал оживал, несмотря на позднее время, слышались голоса новых жителей, ржание коней и стук топоров. Жизнь возвращалась в деревню, уверенная, что впереди у неё долгие сто лет тишины.

Глава 4

Тихон ушел, и вместе с ним из комнаты ушло хрупкое чувство безопасности, которое он принес с собой. Ингрид всё так же сидела на лавке, не сводя глаз с трещины на столешнице. Её слова о «выжигании скверны» всё еще вибрировали в воздухе, смешиваясь с запахом остывшего мясного пирога.

- Ложись спать, Ингрид, - негромко сказал я, поднимаясь с лавки. - Утром нам понадобятся силы. И... уверенность.

Она ничего не ответила, а едва заметно кивнула. Я нашел себе место в углу, на старом соломенном тюфяке, который пах пылью и сухой травой. Но сон не шел. Стоило закрыть глаза, как я снова оказывался на складе. Но теперь я видел не только ужас в глазах тех девушек. Я видел лицо Духа, отраженное в моем клинке. Оно было моим, и в то же время абсолютно чужим.

«Ты убил её», - шептал мой внутренний голос. «Я спас нас», - лениво отозвалось подсознание голосом духа. - «Или ты предпочел бы, чтобы этот джинн медленно высасывал твой мозг через уши, пока та суккуба развлекалась бы с твоим телом? Не будь занудой, дрыщ. В мире, где за массовку не платят, выживают только главные герои».

Я перевернулся на другой бок, пытаясь заглушить этот голос. В конце концов, это слова не самого духа, а лишь мое

воображение. Но оно было право в одном: я жив. И я всё еще в строю. А цена... цена в Гадаре всегда была непомерно высокой.

Ночь прошла в полузабытии. Мне снились серые нити, оплетающие весь мир, и я, стоящий в центре этого кокона с мечом, который жадно впитывал в себя саму реальность.

Утро ворвалось в дом вместе с резким окриком инквизитора со двора.

- Подъем! Пять минут на сборы! Кто не выйдет, тот остается здесь!

Я вскочил и, схватив вещи, выскочил на улицу. Сонный, с припухшим лицом, но дисциплина, вбитая на тренировках, сработала. И не только я имел помятый вид. Ингрид выглядела не лучше. Да и остальные хмурились и зевали одновременно.

Восемь человек. Из шестнадцати претендентов, которые еще вчера считали себя будущим инквизиции, осталась ровно половина. Я подумал о тех, кто остался в доме, и не чувствовал злости или обиды. Просто констатировал факт: из десяти аристократов в строю остались только трое. Анри, Бестужев и

Умеров.

Остальные предпочли дожидаться конвоя Эвклипа и вернуться в безопасный Гадар.

А вот церковники удивили - все трое были здесь, хмурые, бледные, но в строю, вцепившись в свои мечи. Видимо, мо-

литвы им действительно помогали лучше, чем гербы на камзолах.

- Так и запишем. Часть решила остаться, - инквизитор, который всё время что-то строчил в своем блокноте, насмешливо окинул взглядом окна дома. - Удивлен, что не все. Ладно, шевелитесь. Лейтенант ждать не любит.

Мы поплелись за ним через площадь. Скрал уже не казался мертвым. Рыцари Тихона выставили дозоры на стенах, монахи таскали ящики в ратушу, а новые жители - те самые из бедных кварталов - уже повсюду обживались. Кто-то спорил из-за сарая, кто-то перетаскивал узлы с вещами. Они не смотрели на нас. Для них мы были просто частью инквизиции, которая сделала свою работу и скоро свалит отсюда.

София Линберг вместе со вторым инквизитором ждали нас в центре, у колодца. Увидев наш усеченный отряд, лейтенант лишь едва заметно приподняла бровь.

- Восемь, - констатировала она, и в её голосе не было ни разочарования, ни удивления. - Что ж, естественный отбор - штука справедливая. Мусор отсеялся сам собой. Надеюсь, оставшиеся понимают, что теперь нагрузка удвоится?

Мы промолчали.

- Ладно. Сначала завтрак, - просто сказала, она не дождавшись нашего ответа. - А потом в путь-дорогу. Нас ждет ваша следующая цель.

Она развернулась и зашагала к одному из уцелевших домов на окраине. Там, во дворе, развернулась самая настоя-

щая походная кухня. Над огромным котлом поднимался густой пар, пахнувший мясным и очень сытным.

- Полчаса на еду, - Бросила София на ходу и встала в очередь к монаху-повару.

Я в недоумении наблюдал, как она и оба инквизитора принимают из рук монаха простые деревянные миски. Никаких отдельных столов, никаких деликатесов. Они ели ту же густую кашу с обрезками вяленого мяса, что накладывали и нам. Каша была горячей, жирной и на удивление вкусной. Конечно, до стряпни бабушки Дарьи ей было далеко, но после вчерашнего голодного дня и ледяного страха это варево казалось почти пиршеством.

Я присел на перевернутой корзине, методично работая ложкой. Ингрид рядом уткнулась в свою миску. Она ела быстро, не глядя по сторонам. Мои мысли были просты: «Хорошо, что горячо. Хорошо, что мясо есть. Надеюсь, до вечера хватит».

Дух молчал. После вчерашнего он будто ушел на самую глубину, оставив после себя лишь странную тяжесть в груди. Никаких шуточек, никакого сарказма. Просто ледяное присутствие на периферии сознания.

- Время вышло, - София поставила пустую миску на край стола. - Выдвигаемся.

Мы вышли из Скрала через северные ворота. Дорога вела вглубь леса, который здесь казался гуще и темнее.

- Наша следующая цель - деревня Ружовка, - София

шла впереди, легко перепрыгивая через торчащие корни. - Обычная зачистка. По донесениям, там ошивается мелкая нечисть, разбредшаяся после прорыва.

- Лейтенант, - подал голос Бестужев, - а как же портал?

- Портал далеко, - София даже не обернулась. - До него еще дня три пути, если считать от третьей деревни. Мы даже не знаем точно, открыт он сейчас или его успели схлопнуть сами демоны. Наша задача - идти по следу и зачищать очаги. Так что просто смотрим в оба и работаем слаженно.

Я слушал её и пытался сопоставить с тем, что видел вчера. Ружовка... Обычная зачистка. В Скрале нам тоже обещали обычное испытание, а в итоге Анри поседел, а я чуть не стал обедом для джинна.

Лес вокруг Ружовки не выглядел больным, как в Скрале. Деревья здесь были высокими, с густыми кронами, но тишина стояла такая же мертвая. Ни птиц, ни зверья. Только хруст хвороста под нашими сапогами.

Я чувствовал, как ладонь невольно легла на эфес меча. Дух в клинке молчал, но я кожей ощущал, что он ждал. Ему было всё равно, зачистка это или портал. Он просто ждал момента, когда я снова не справлюсь и дам ему повод «взять штурвал».

- Ну вот мы и на месте, - констатировала София, когда впереди между деревьями показались первые крыши домов. После чего иронично добавила. - Вперед, ребятишки, вас ждут великие дела.

Мы вышли к окраине Ружовки. Она казалась почти целой. Никаких разрушенных стен, никаких баррикад. Тихие домики с закрытыми ставнями, пустые улицы и легкий ветерок, качающий запертую калитку. Обычная деревня. Вот только из труб не шел дым, а на улице не было ни единой живой души.

- Странно, - прошептала Ингрид, перехватывая меч. - Слишком тихо. Даже для зачищенного места.

- Не расслабляться, - бросил Анри. - Идем к центру, к колодцу. Проверяем каждый дом по пути.

Я шагнул на пыльную улицу Ружовки, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Обычная зачистка... Почему-то это словосочетание в последнее время не предвещало ничего хорошего. А еще меня удивил тот факт, что с командами Анри никто не стал спорить. Бестужев лишь согласно кивнул, а Ингрид даже не обратила внимания. Ну да это к лучшему. Снова разделяться явно плохая идея.

Мы углублялись в Ружовку, и чем ближе к центру, тем сильнее мне не нравилась тишина. Она была не просто мертвой, она стала вязкой. Белесые клочья тумана, сначала едва заметные у земли, начали стремительно ползти вверх, затягивая дома и дорогу плотной пеленой.

- Стоять! - вдруг скомандовал Бестужев, вскидывая руку.

Мы замерли. Анри недоуменно обернулся, но Бестужев уже не смотрел на него. Он приняхивался и шурился, глядя на молочно-белую стену перед нами.

- Это не просто туман, - негромко, но отчетливо произнес он. - Это магическая вязь. Концентрация маны зашкаливает, она буквально подавляет естественную влажность воздуха. Кто-то целенаправленно закрыл обзор.

- Откуда здесь взяться магии? - Ингрид перехватила меч, но ответа не последовало.

Туман впереди внезапно стал почти осязаемым, серым, а в следующую секунду резко, словно по команде, рассеялся. Я невольно зажмурился от резкой смены картинки, а когда открыл глаза, сердце пропустило удар.

Мы стояли в десяти шагах от центральной площади. Перед нами, закрывая нас своими телами, замерли оба инквизитора, а впереди них напряженная спина Софии. Она стояла, чуть пригнувшись, с оружием наготове, и я кожей чувствовал, как от неё исходила холодная расчетливая ярость.

Но не это заставило нас застыть в шоке. Посреди площади стояли трое.

Они не были похожи на то отребье, что мы видели раньше. Первый - гигант в угольно-черных латах, из щелей которых сочилось багровое пламя. В его руке покоился меч, черный как сама пустота, который, казалось, поглощал свет вокруг себя. Второй - полная противоположность: в вычурном аристократическом камзоле, с головой козла и загнутыми назад рогами. Он лениво поигрывал кроваво-красной шпагой, и его взгляд был наполнен ледяным презрением. Третий - скрыт под тяжелым балахоном. Мы не видели его лица, толь-

ко костлявые пальцы, сжимавшие посох. Навершие посоха - черный кристалл - пульсировало так сильно, что воздух вокруг него шел трещинами.

- Грэгор, на тебе местная мелочь, - спокойно, почти буднично произнесла София. Её голос был твердым, но я отчетливо ощутил в нем нотки предельного напряжения. - Ди, ты займись малышами.

Инквизиторы синхронно кивнули. Грэгор мгновенно сорвался с места, исчезая в тени домов, а Ди - тот, что вечно что-то записывал в блокнот - в два прыжка оказался рядом с нами.

- Все, быстро ко мне! - жестко бросил он. - От меня ни на шаг. Кто выйдет за черту - тот труп.

- Какую черту? - Анри озвучил общую мысль, но инквизитор его проигнорировал.

Ди выхватил меч и, подняв его над головой, негромко, но веско произнес:

- Да пребудет свет защиты в сердце моем, и да проснется сила в словах моих.

Вокруг нас мгновенно раскрылся прозрачный мерцающий купол диаметром метров десять. Но рассмотреть его толком мы не успели.

В следующую секунду София сделала шаг вперед, и мир взорвался.

На нас обрушилось такое духовное давление, что колени подогнулись сами собой. Воздух стал плотным, осязаемым,

он давил на плечи сотнями килограммов невидимого веса. Я почувствовал, как сердце забилося в горле, а в ушах зазвенело. Это не была просто сила - это была осязаемая воля высших существ, столкнувшаяся в смертельной схватке. Грань между обычным миром и Бездной стерлась, кажется, мы оказались в самом эпицентре бури.

Меж тем давление усилилось. Оно стало таким, что я слышал хруст собственных позвонков. Это была не просто духовная мощь - это было физическое воплощение плотности чужой воли. Воздух в куполе стал горячим и горьким. Глядя сквозь мерцающую преграду щита Ди, я видел, как пространство за его пределами начало искажаться: цвета поблекли, а очертания домов Ружовки поплыли, превращаясь в зыбкие тени.

Первым шевельнулся демон в латах. Он не побежал - он просто сделал шаг, и земля под его сапогом лопнула, разлетевшись каменным крошевом. Его черный меч прочертил в воздухе полосу абсолютной тьмы. Удар был таким тяжелым, что даже внутри купола мы почувствовали вибрацию почвы.

- Хрен тебе! - рявкнула София, и её голос прозвучал как удар хлыста, прорезая гул ауры.

Она рванула неестественно быстро. В её руках мелькнули два коротких клинка, окутанных холодным белым пламенем. Столкновение произошло мгновенно. Звон стали о сталь был настолько пронзительным, что Умеров, стоявший рядом со мной, схватился за уши, а из его носа потекла тон-

кая струйка крови.

София не пыталась до конца блокировать удары гиганта - она обтекала их, словно вода, нанося встречные выпады. Но демон в камзоле не собирался ждать. Козлиная голова дернулась, издав сухой ломающий звук, и он выбросил вперед руку с красной шпагой.

Это был не просто выпад. За шпагой тянулся шлейф из застывших капель крови, которые в полете превращались в острые как бритва иглы.

- Ди, держи купол! - крикнула София, уходя перекатом от багрового ливня.

Инквизитор зарычал, упираясь ногами в землю. Я видел, как на его лбу вздулись вены. Купол зазвенел под градом кровавых игл, покрываясь сетью трещин, но выстоял. А в это время третий - тот, что с посохом - начал свой ритуал.

Черный кристалл в намершии вспыхнул ядовито-зеленым светом. Он не бил своей силой напрямую. Он начал менять реальность вокруг Софии. Грязь под её ногами превратилась в извивающиеся щупальца, а воздух стал густым, как смола, сковывая её движения.

- С-с-смертная... - прошелестел голос из-под балахона, и от этого звука по моей коже пробежал мороз.

София оказалась зажата между мощью гиганта и скоростью козлоголового, пока третий лишал её пространства для маневра. Казалось, это конец. Один из ударов черного меча прошел в дюйме от её плеча и рассек одежду.

Но София Линберг не зря носила свое звание. Она замерла на долю секунды, и я почувствовал, как её аура, до этого сжатая для обороны, внезапно расширилась, сметая всё на своем пути.

- Пробудись, ледяная дева! - её голос стал чужим, звонким, как бьющееся стекло.

Вокруг неё закружился вихрь ледяной крошки. Температура упала так резко, что капли крови демона в камзоле замерзли на лету и осыпались безвредным крошевом. Грязевые щупальца под её ногами превратились в хрупкие ледяные статуи.

Это был не просто удар - это была демонстрация абсолютной власти над стихией. София превратилась в бело-голубую вспышку. Она атаковала всех троих одновременно, двигаясь с такой скоростью, что её силуэт двоился и троился.

Я смотрел, затаив дыхание. Я окончательно осознал простую истину: то, что мы делали в Скрале, на фоне мощи лейтенанта и силы демонов было лишь детской игрой в песочнице. А еще мне, как и остальным, очень сильно захотелось оказаться подальше от сюда.

На мгновение Ружовка замерла. Вся та ярость, звон стали и свист ледяного ветра, что бушевали секунду назад, схлопнулись в одну точку. Наступила тишина, но не та, что бывает в лесу на рассвете, а мертвая, сосущая, будто из мира разом откачали весь воздух. Звуки исчезли. Я видел, как шевелились губы Ингрид, но не слышал ни слова. Пространство во-

круг площади превратилось в вакуум, в котором само время замедлило свой бег.

Трое демонов переглянулись. В их позах больше не было ни капли насмешки или высокомерия. Они осознали: перед ними не просто «смертная», а хищник, способный пустить им кровь.

- Довольно игр, - не услышал, а скорее почувствовал я общее решение врагов.

Демон в латах медленно, почти торжественно вонзил свой черный меч в землю. По брусчатке поползли трещины, из которых заструился густой багровый дым. Козлоголовый, издав короткий ломающий звук, с силой полоснул себя шпагой по предплечью, густая черная жижa вместо крови хлынула на камни, закипая на лету. Третий, тот, что в балахоне, поднял свой посох и с сухим треском раздавил черный кристалл прямо в костлявой ладони.

И тогда небеса над Ружовкой окончательно почернели.

Над спинами демонов соткались Тени. Это не были призраки или иллюзии. Это были Джинны - сгустки первозданной тьмы, будто пришедшие прямо из глубин Бездны.

Над рыцарем в латах поднялся многорукий исполин, чьи конечности хаотично дергались, сжимая невидимые клинки. Над козлоголовым закружилась роевая сущность - живое облако из кровавого тумана, состоящее из миллиардов крошечных, вечно голодных пастей. А за спиной демона в балахоне открылось Око. Огромный пульсирующий глаз, соча-

щийся мутным вонючим гноем, в зрачке которого отражалась бесконечная пустота.

Давление стало невыносимым. Наш защитный купол, до этого прозрачный и надежный, вспыхнул ядовито-багровым светом. Ди, наш инквизитор, охнул и рухнул на одно колено. Его лицо побледнело, а из уголка рта потекла густая кровь, капая на записи в его блокноте.

- Держи... - прохрипел он, воткнув меч в землю, чтобы не упасть окончательно. - Не выходить... Сдохнете...

София Линберг стояла в центре этого кошмара, и я впервые увидел на её лице тень сомнения. Она вскинула клинки, её аура вспыхнула с новой силой, пытаясь создать ледяной барьер, но... всё было тщетно. Лед, едва сорвавшись с её пальцев, мгновенно испарялся, превращаясь в бессильное облачко пара. Джинны подавляли её стихию одним своим присутствием, выжигая саму возможность применения силы в радиусе пятидесяти метров.

Рыцарь-демон сделал шаг. Один-единственный взмах черного меча, усиленный мощью многорукого Джинна.

Это не был удар стали. Это была волна чистой кинетической энергии, смешанной с прахом бездны. Софию просто снесло. Её, казалось бы, идеальная ледяная защита лопнула со звуком разбитого зеркала. Лейтенант пролетела через всю площадь и с ужасающей силой врезалась в каменную стену дома. Ее тело пробило стену, а после и сам дом сложился, словно картонный.

Грохот обрушившихся стен был слышен даже сквозь гул ауры Джиннов.

- Лейтенант! - закричал Анри, порываясь вперед, но Ди схватил его за камзол, удерживая внутри трещащего купола.

Пыль и крошево осели, и мы увидели Софию. Лейтенант медленно сползла по каменной кладки печи. Её безупречный плащ был превращен в клочья, по лицу, заливая глаз, хлестала кровь. Она попыталась подняться, оперлась на дрожащие руки, но в этот момент вступил демон с самой странной силой из всех. Возможно, я ошибся, но кажется, это тот самый «маг», который наколдовал туман.

Он лениво направил обломок посоха в её сторону. Весь тот лед, который София успела сотворить в начале боя, все те осколки и статуи, внезапно задрожали. В руках демона её собственная стихия предала её. Лед потемнел, вытянулся в длинные зазубренные шипы и рывком устремился к лейтенанту.

Раздался сочный влажный звук. Шипы пригвоздили одежду Софии и её плоть к камням стены, распяв её в метре над землей. Она вскрикнула, и этот звук - крик нашей единственной надежды - ударил по нам сильнее, чем любое давление.

Мы застыли. Ужас, настоящий, парализующий ужас сковал нас. Бестужев побелел на глазах, церковники начали иступленно шептать молитвы, которые здесь казались просто бессвязным лепетом.

- Ди! Сделай что-нибудь! - выкрикнула Ингрид, хватаясь за эфес своего меча.

- Сидеть... тихо... - выдохнул инквизитор, его глаза закатились, он держал купол на одних инстинктах. По поверхности щита поползли широкие трещины.

А на площади началось самое страшное.

Козлоголовый демон, игнорируя пришпиленную к стене Софию, медленно повернул свою рогатую голову в нашу сторону. Он облизнул кровавую шпагу длинным раздвоенным языком и не спеша зашагал к куполу. Его шаги были тяжелыми, уверенными. Шпага волочилась по камням, высекая искры и оставляя багровую полосу.

Он не собирался сражаться. Он шел обедать. Для него мы были не воинами, не претендентами, а просто «закуской», которую нужно было достать из хрупкой стеклянной банки.

Я смотрел на его приближающуюся фигуру, и внутри меня что-то начало меняться. Страх никуда не ушел, но сквозь него, словно сквозь густой деготь, начала проступать иная вибрация. Мой дух внутри головы больше не молчал. Он не издевался. Он... предвкушал. Я чувствовал, как мой меч-сосуд в ножнах раскалялся, требуя крови. Три Джинна. Три колоссальных сгустка силы, которые для моего Духа пахли как изысканный деликатес.

- «Ну что, шкет...» - первый раз за сегодня Дух обратился ко мне, и в его голосе была такая концентрация хищного азарта, что у меня перехватило дыхание. - «Кажется, на-

стало время поднять ставки. Посмотри на эту козлиную морду... Оно думает, что оно здесь охотник. Давай покажем ей, что такое настоящая сила? Козел нас сильнее, но кого это волнует? Сдохнем весело и под музыку!»

А козлоголовый уже стоял в трех шагах от купола, поднимая свою шпагу для первого пробного удара по нашей защите. Это был конец. Козлоголовый демон сделал ленивое движение, и его кроваво-красная шпага врезалась в наш щит. Звук был такой, будто кто-то ударил кувалдой по огромному хрустальному колоколу. Купол не просто треснул - он взорвался мириадами острых сверкающих осколков, которые тут же растаяли в раскаленном воздухе.

Ди, не выдержав магической отдачи, отлетел в сторону, как тряпичная кукла. Его меч упал рядом с ним, а сам инквизитор затих, распластавшись на земле.

Мы остались одни. Без защиты. Без лидера. Лицом к лицу с тварью, от одного дыхания которой реальность сворачивалась в узлы. Умеров и церковники впали в глубокий ступор: они стояли, выронив мечи, с широко открытыми глазами, в которых не осталось ничего, кроме отражения смерти. Ингрид, преодолевая дрожь, всё же вырвала свой клинок из ножен. Её лицо было белым, как мел, но взгляд застыл в безнадежной решимости. Она понимала - это последний миг.

Козлоголовый медленно занес шпагу над головой Анри, который так и не смог подняться с колен. Демон смаковал момент, его рогатая морда расплылась в оскале...Я же потя-

нулся за силой моего духа, но....

В этот момент из руин обрушившегося дома донесся смех. Это не был человеческий смех. Он вибрировал, пробирая до костей, отдаваясь звоном в зубах и ледяными иглами в мозгу.

- Ну всё... - донесся из облака пыли язвительный, пугающе спокойный голос Софии. - Вы меня разозлили.

Пространство вокруг руин вздрогнуло. София не стала вытаскивать ледяные шипы, которыми её пригвоздил Маг, она просто сделала их частью себя. Произошла вспышка, ослепительно яркая, от которой по глазам ударило физической болью. Кажется, это то самое «Полное слияние»! Запретная грань, о которой я только читал в книгах, и из-за которой человек перестает быть просто носителем духа.

Шипы взорвались ледяной пылью, и лейтенант буквально «вытекла» из-под завалов. Это была уже не та София Линберг, которую мы знали. Её кожа стала полупрозрачной, будто выточенной из глубокого ледникового льда, сквозь которую вместо крови пульсировало синее сияние. А глаза... глаза превратились в две бездонные синие дыры, в которых клубился первозданный ледяной голод.

Трава на площади мгновенно почернела, покрывшись колючим инеем. Температура упала так резко, что влага в воздухе превратилась в ледяную крупу, больно бьющую по лицу.

София исчезла. Не убежала, не прыгнула - она перемести-

лась вспышкой холода, оказавшись прямо перед Магом-демоном. Тот даже не успел вскинуть обломок посоха. Одним коротким, почти небрежным движением ледяного клинка София отсекла ему руку по самое плечо.

Маг зашелся в ультразвуковом визге. Его Джинн-Око, висевшее в воздухе, начало покрываться трещинами, из которых повалил вонючий пар - мороз Инквизитора буквально разрывал структуру демонической сущности.

- Грэгор! Где тебя черти носят?! - выкрикнула София, и её голос расколол тишину, как удар молота по наковальне. - Твой выход, дрянь ты этакая! Помоги Ди, и убери наконец нахрен детей отсюда! Они мешают!

В ту же секунду козлоголовый демон, собиравшийся ударить Анри, получил сокрушительный удар в бок. Мощь удара была такой, что тварь, весившую добрых два центнера, отшвырнуло в сторону на десяток метров.

На его месте, словно соткавшись из воздуха, появился Грэгор - второй инквизитор, который до этого «зачищал мелочь». Он выглядел потрепанным, но двигался с пугающей эффективностью. Не теряя ни секунды, он подскочил к неподвижному Ди, выхватил из сумки флакон с зельем и, не церемонясь, влил товарищу в горло.

- Все, быстро за мной! - рявкнул Грэгор, хватая Ди за ворот и вскидывая его на плечо. Он обернулся к нам, и в его глазах я увидел настоящий неприкрытый страх. - Бегом, если жить хотите! И это я не только вам, это я и себе тоже!

Он не шутил. София в состоянии «слияния» была страшнее любого демона. Она уже не разбирала целей - она была воплощенным стихийным бедствием.

- Бегом! - Грэгор подтолкнул нас в сторону узкого переулка. - Она в бешенстве! Сейчас здесь будет настоящий ад!

Одним мощным пассом руки София воздвигла между нами и демонами колоссальную стену из синего льда, даря драгоценные секунды, которые были нужны для бегства. Я обернулся лишь на миг: лейтенант стояла одна против рыцаря-демона и раненого мага. Она была похожа на ледяное божество войны, и воздух вокруг неё дрожал от напряжения.

- Двигайтесь, сопляки! - Грэгор уже тащил за собой впавшего в прострацию Умерова. - Если лед Софии заденет нас - даже самое дорогое зелье не поможет, просто в ледяную крошку рассыплетесь!

Мы рванули за ним. За нашими спинами Ружовка содрогалась от грохота обрушивающихся зданий и ледяного воя, который не имел ничего общего с обычным ветром. Мы бежали, спотыкаясь и задыхаясь. А в голове была только одна мысль - «Нужно валить как можно дальше и быстрее отсюда».

Это был уже не бег - это была отчаянная гонка со смертью, где призом была возможность не превратиться в ледяную пыль. Грэгор гнал нас, как стадо перепуганных животных, не давая остановиться ни на секунду.

- Дальше! Шевелитесь, мешки с костями! - рычал он, бук-

важно выпихивая нас за пределы деревенской ограды.

Анри споткнулся, Ингрид едва не упала, зацепившись за корень, но инквизитор не дал им и шанса замедлиться, подталкивая в спины. Только когда мы отделились от окраины Ружовки на добрую сотню метров, он скомандовал остановку.

Мы рухнули в высокую траву, жадно хватая ртом воздух. Но тишины не было. Из деревни доносился такой гул и скрежет, будто там, в тумане, два тектонических разлома решили сойтись в рукопашной. Земля содрогалась, вибрируя мелкой противной дрожью, от которой зубы начали ныть.

Ди, которого Грэгор всё это время тащил на плече, наконец издал хриплый стон и открыл глаза. Он мутным взором обвел нас, а затем перевел взгляд на деревню, над которой поднималось зловещее сине-черное марево.

- Она... она вошла в Слияние? - прохрипел он, пытаясь сесть.

- Хуже, - Грэгор вытирал пот со лба, не сводя глаз с Ружовки. - Она в бешенстве. Джинны её достали. Она выжигает сектор.

- Сто метров? - Ди посмотрел на коллегу как на сумасшедшего. - Ты остановился в ста метрах от командира, когда она в таком состоянии? Грэгор, ты идиот! Надо валить дальше, пока нас не размазало!

Я смотрел на них и чувствовал, как внутри похолодело. Двое опытных инквизиторов, которые только что стояли

против высших демонов, сейчас выглядели как люди, осознавшие, что сидят на бочке с порохом, к которой уже поднесли фитиль. Они боялись не демонов. Они до ужаса боялись своей собственной командирши.

И в этот момент произошло **ЭТО**.

Сначала исчез звук. Абсолютная, вакуумная тишина. А затем мир ослеп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.